

Янина Могвич

НА ИЗЛОМЕ АЛОГО

БОЛЕЕ 1000000 ПРОЧТЕНИЙ

Логвин: лучшие книги

Янина Логвин

На изломе алого

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логвин Я.

На изломе алого / Я. Логвин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Логвин: лучшие книги)

ISBN 978-5-17-112598-1

Александра. Алька. Алый... Игнат всегда знал, какой цвет у его любви. Неважно, сколько тебе лет, когда приходит настоящее чувство, – сердце отказывается молчать. Оно верит, что любые стены преодолимы. У Сашки Шевцовой есть мечта – обрести крылья и стать свободной. Ее мир похож на клетку, из которой не выбраться, и пусть прутья невидимы, они держат крепче стальных. Когда в ее жизни появляется Игнат, Сашка точно знает, что этому парню со светлой улыбкой и гитарой в руках не место рядом с ней. Придется Игнату доказать, что их чувства способны изменить мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112598-1

© Логвин Я., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Янина Логвин

На изломе алого

Серия «Логвин: лучшие книги»

© Логвин Янина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Твой герой

*Сделай потише звук плеера, выключи в комнате свет,
Не говори со стенами,
Поговори со мной,
В эти мгновения Вечность диктует любви сюжет,
Ты не одна в этой Вечности...
Я с тобой.*

*Не засыпай неукрытая, не на моих руках,
В сумраке бродят монстры,
Я слышу их жуткий вой.
Сказку расскажет нам ветер в солнечных облаках,
Я обещаю быть рядом,
Только усни со мной.*

*Мраком покрыт и холодом твой мир из стальных зеркал,
Тени скользят, как скальпели...
Я выйду с ними на бой.
Только скажи, что любишь, я тебя всю жизнь ждал.
Дай мне поверить, что я —
Твой герой.*

*Припев:
Я стану, кем ты захочешь — рыцарем островов,
Вершителем тысячи судеб, покорителем берегов.
Стану тем, с кем проснешься, однажды шагнешь к мечте.
Только скажи что любишь, что веришь мне.*

Suspense (с)

За стеной послышалась мужская брань, раздался женский вскрик, и сразу же за ним последовал глухой звук удара. Сашка подняла голову от письменного стола, за которым делала уроки, отложила ручку в сторону и обернулась. Вскрик повторился. И, кажется, упали и разбились настенные часы.

- Ты меня знаешь, Витка... Убью!
- Дима, не надо!

Они всегда кричали и сбежали от него – многочисленные подруги отца. Проклинали и снова покупались на крепкую фигуру и интересную внешность. А значит, и эта сбежит. Ненадолго задержалась, даже месяца не прошло.

Сашка встала из-за стола и подошла к окну. Протянув худенькую руку, отдернула в сторону старую занавеску. Чтобы не слышать крики из отцовской спальни, прикрыла уши ладонями и прижала лоб к холодному стеклу...

Надо же, зима нынче, а снега нет. Все моросит-моросит, словно на календаре не декабрь месяц, а конец октября. Вот и сейчас в свете уличных фонарей мелкая морось сыпала на землю почти отвесно, заставляя прохожих поеживаться, поднимая воротники, и прятаться под капюшонами. Зима... Сашка выдохнула на стекло и на запотевшем пятнышке пальцем нарисовала снежинку. Вдохнула и приготовилась ждать. Фонарь напротив окна хорошо освещал подъезд, и девочке хотелось увидеть, как она уйдет – та, чей всхлип доносился сейчас уже из прихожей. Уйдет из их жизни, чтобы всего через месяц снова стать свободной. Сашка от всей своей юной души ей завидовала.

К первой снежинке добавилась вторая, а затем пятнышко увеличилось, и на стекле появилась третья – красивая, с кружевной бахромой. Сашка умела рисовать и почему-то этой осенью все ждала и ждала первый снег, как будто с ним в ее жизни обязательно должно было случиться что-то особенное. Настоящее.

К стеклу неожиданно прилипла белая крупинка – крохотная снежинка. Она упала на капли мороси и тут же истаяла. Сашка удивленно моргнула и распахнула глаза. Приложила ладони к стеклу, вглядываясь в вечерние сумерки. Неужели к утру быть снегу?

Во двор въехала легковая машина, а сразу же за ней показался большой и длинный фургон с надписью «Грузоперевозки». Он затарахтел, забухтел двигателем, пробираясь между домами, и вслед за машиной остановился напротив их подъезда. Из обоих автомобилей вышли люди, и минуту назад еще пустой двор неожиданно оживился.

Новые жильцы, мелькнула у девочки мысль. Наверняка в двенадцатую квартиру, что на третьем – этаже ниже. Сашка знала, что в квартире уже год, как никто не жил. Соседи говорили, будто новые хозяева приехали с севера. То ли преподаватели, то ли врачи. Интеллигенция, как выразилась баба Лида – местная сплетница. Когда из фургона стали выносить мебель – красивую и по Сашкиным меркам жутко дорогую, стало даже жалко, что так густо сыплет морось.

Девочка не сразу заметила в наметившейся суе полноватого мальчишку. Выбравшись из отцовской машины, он кружил возле невысокой женщины и радостно озирался вокруг. Увернувшись от материнской ласки, неожиданно отбежал в сторону и рассмеялся. Встав под фонарь, раскинул руки, поднял голову... и неожиданно их глаза встретились.

Глупый. Ну и зачем так долго смотреть? Промокнет ведь.

За спиной Сашки, в прихожей, хлопнула дверь, и девочка вздрогнула. В коридоре раздались тяжелые шаги, и на стену привычно обрушился отцовский кулак.

– Сашка! Сашка, мать твою! Выходи! Убери там все... Если эта сука вернется – задавлю!

Девочка задернула штору и отвернулась от окна. Посмотрела в сторону притворенной двери. Не вернется. К нему никто никогда не возвращался. С ним неизменно оставалась только она – его дочь.

– Сейчас... Уже иду, пап!

– Алька Шевцова! Алька! С ума сошла? Слезай, разобьешься! Я все Тамаре Михайловне расскажу! Это старая теплица, здесь же написано, что за огражденную территорию заходить нельзя! Хочешь, чтобы из-за тебя наказали весь класс?!

– А ты, Крапивина, еще громче ори, тогда точно накажут.

К ветхому кирпичному строению на школьных задворках Игнат прибежал последним и сейчас остановился, разглядывая своих новых одноклассников. Большая перемена еще не закончилась, дверь черного хода возле спортзала оказалась открыта, и все гурьбой высыпали на улицу. Это был его второй учебный день в новой школе, он еще не успел ни с кем сдружиться и старался держаться класса.

– Шевцова, ты же обещала Тамаре Михайловне, что больше не будешь сюда забираться. Никуда не будешь! Мы же хотели обговорить выступление девочек на новогоднем вечере! Так нечестно! Я не могу одна за всех решать!

– Это ты, Крапивина, была там и давала слово. Я ничего никому не обещала. И перестань уже за мной бегать. Не стану я танцевать ваши дурацкие танцы!

К теплице подошли ребята постарше, кто-то из них чиркнул зажигалкой, и шестиклассники посторонились. Дети не одного поколения собирались здесь, дирекции школы давно пора было поставить вопрос о сносе теплицы ребром.

Один из подошедших, высокий темноволосый паренек, вдруг, засмеявшись, окликнул девочку:

– Чайка! Эй, Чайка! Что так низко летаешь? А выше слабо?

Легкая и прыткая, девочка перепрыгнула через оконный провал и взбежала вверх по металлическому каркасу. Раскинув руки, балансируя в трех метрах над землей, оглянулась.

– Не слабо. А тебе? – отставив ногу в сторону, закачалась на тонкой рейке, провоцируя мальчишку. В этот декабрьский день она была без шапки, и светло-каштановые волосы длиной до плеч трепал ветер. Она не улыбалась, но на губах появилась усмешка, когда девочка протянула руку и показала парнишке средний палец.

– Я знаю, что слабо, Чвырев, иначе ты бы еще в прошлый раз доказал. Эй, это, кажется, твое? – она сняла с плеча спортивную сумку и подняла ее вверх. Взмахнув над головой, бросила в сторону тополя. Зацепившись за голый сук, сумка качнула ветку и повисла. Из прорехи в молнии выпал кед, да так и остался болтаться на длинном шнурке высоко над землей.

– Эй... ты! – изумленно и беспомощно выдохнул темноволосый паренек под общий смех, но сделать ничего не мог.

– Не плачь, Чвырев! У сторожа стремянка есть, достанешь. Не забудь только сказать человеку волшебное слово «Пожа-алуйста!», – посоветовала Сашка. – И признаться, что это ты вчера разбил окно в раздевалке!

– Закрой рот, Чайка! Я тебя убью!

– Сначала поймай! И не лезь ко мне, я тебя предупреждала!

Сегодня в столовой было шумно, семиклассники за столами веселились. Никто и не заметил, как один из них, изловчившись, толкнул другого, и тот упал спиной на девочку, обедающую за соседним столиком. Никто не пострадал, кроме ее тарелки с едой, в которой вдруг оказались компот с булочкой. Игнат в этот момент смотрел на свою одноклассницу и слышал, как этот Чвырев хохотал. Учительница была всего в нескольких метрах, мальчишка был уверен, что пожалуется Сашка Шевцова на шутника, того сразу же строго осадят, но она просто встала и молча ушла. А сейчас...

А сейчас девочка легко спустилась по каркасу с другой стороны теплицы, птицей слетела на землю с полутораметрового кирпичного уступа и побежала к школе...

– Уйди, Пухлый! – темноволосый парнишка врезавшись в него, оттолкнул в сторону. – Чего встал! Чайка, стой! – крикнул обидчице в спину, бросаясь вдогонку. – Все равно не убежишь!

Все дети смотрели им вслед и Игнат тоже. Он специально шагнул парнишке наперерез, но на большее смелости не хватило. Ему очень не хотелось, чтобы этот мерзкий тип Чвырев догнал Сашку.

– Ты ведь живешь в моем доме, да?

Она не ответила, даже не посмотрела в его сторону. Просто открыла тетрадь и записала дату и тему урока.

– Я видел тебя. А меня зовут Игнат. Игнат Савин. Мы недавно в ваш город переехали.

– Знаю, не глухая, – не поднимая головы, ответила Сашка. – Тамара Михайловна тебя всем представила.

– И я твой сосед. Только живу на третьем этаже, а ты на четвертом.

– Зачем ты сел ко мне, Савин?

Вот теперь Сашка подняла взгляд от тетради и посмотрела на мальчишку. Он сидел в полуметре, очень близко, и его синие глаза с живым интересом ее рассматривали – тонкое худенькое лицо с правильными чертами и едва заметными веснушками на носу. Какое-то отрешенное, что ли. Закрытое.

– Не знаю. Мне захотелось, – честно признался Игнат. Он вдруг почувствовал, что Сашке врать нельзя.

Когда начался урок английского, и все зашли в класс, Игнат остался стоять у порога в ожидании учителя. Та вошла в кабинет, важно стуча каблуками – тонкая, высокая, неулыбчивая женщина средних лет – и свысока поприветствовала учеников.

– Good afternoon, children! Sit down, please. We begin our lesson¹.

Повернувшись к мальчишке, ответила сухим кивком.

– Меня зовут Венера Игоревна. Я говорила с твоими родителями, Савин. Очень надеюсь, что у тебя не возникнет сложностей с выполнением домашних заданий по моему предмету. Как любой уважающий себя педагог, я приветствую в учениках старание и прилежность. И не терплю опозданий. Все ясно?

– Да, Венера Игоревна.

Игнат был единственным ребенком в семье, поздним ребенком, он с детства привык к любви и опеке, а потому ничуть не удивился, когда узнал, что мама с папой уже успели поговорить с преподавателем. Так было всегда – родители на шаг впереди. Но под смешками мальчишек, отпущенными в его сторону: «Смотрите, Пухлого привела за ручку мамочка», – он стеснялся и покраснел.

– Беленко, тихо мне! – строго одернула ученика «англичанка». – А ты, Савин, не стой у порога и не задерживай урок.

Учительница предложила сесть, и Игнат снова заметил, как недовольно поджались губы у светловолосой девочки за второй партой – Вероники Маршавиной. Классный руководитель в первый же день посадила их вместе, объяснив это тем, что у девочки есть авторитет в классе, но заносчивая отличница мальчишке не понравилась. Ничуть. Он услышал, как она прошептала в сторону соседнего ряда:

– Надоел! Что мне и на английском с этим толстяком сидеть?

Вот уж нет! Игнат и сам был не рад вынужденному соседству. На уроке иностранного языка ученики разделились на две группы, и свободных мест в классе оказалось достаточно. Глаза сами отыскивали Сашку, и мальчишка с осторожной радостью в душе отметил, что она сидит одна. Впрочем, за два дня учебы он успел заметить: Шевцова всегда сидела одна. Незменно в ряду у окна и за последней партой.

Игнат прошел мимо Маршавиной и сел за парту к Сашке. Пожалуй, первый раз в жизни чувствуя, что ему все равно, о чем подумают другие. По классу полетели удивленные шепотки.

¹ Добрый день, ребята! Садитесь, пожалуйста. Начинаем наш урок (англ.).

– Ну, все! Сейчас Чайка его шуганет! – донеслось до него смешливое, и Игнат затаил дыхание.

Не шуганула. Даже внимания не обратила. Мальчишка выдохнул и открыл школьный рюкзак. Разложил на столе новые учебные принадлежности и затих, поглядывая в сторону соседки.

– Итак, тема сегодняшнего урока «Наречия» (Adverbs), – тем временем отозвалась учительница, выводя на доске слово красивым почерком. – Сегодня мы с вами узнаем, на какие вопросы отвечают наречия, что они описывают, а также рассмотрим на конкретных примерах, как наречия образуются и употребляются в английской речи. А начнем мы, пожалуй, с того, что все достанем учебники и откроем их на странице... Крапивина! Я сказала открыть учебник, а не рот! Сейчас же!

– Извините, Венера Игоревна. Но это все Беленко! Он говорит обо мне гадости!

– Ябеда!

– Сам дурак!

Сашка сидела неподвижно, уставившись в тетрадь, будто и не слышала просьбы учителя.

– Эй! – тихонько окликнул ее Игнат. Он достал книгу и положил перед собой, раскрыл на нужной странице. – Венера Игоревна сказала всем открыть учебники, – напомнил девочке.

Она напряглась, но к рюкзаку не потянулась. Только взглянула коротко.

– Я же сказала, что не глухая, – резковато ответила. – У меня отличный слух.

– У меня тоже. Музыкальный, – не растерялся мальчишка и вдруг робко улыбнулся Сашке.

Он не был толстым, вовсе нет. Может, немного полноватым, невысоким и неуклюже вежливым со всеми, как и надлежит быть домашнему мальчику. Темно-русые волосы чуть вихрились надо лбом, большие синие глаза смотрели открыто, а губы улыбались... Сашка не хотела, но зацепилась взглядом за его улыбку – необычную и какую-то чистую, что ли. Засмотрелась. На полных щеках мальчишки показались ямочки.

– Почему ты все время смотришь на меня? – неожиданно для себя спросила, не то с удивлением, а не то с упреком. – Как будто мы знакомы, но ведь это не так?

– Нет, – покачал головой Игнат и ожидаемо смутился. Он и сам не мог сказать «почему». Просто смотрел, и все. Не мог не смотреть, как только впервые увидел Сашку.

– Шевцова! – неожиданно строго прозвучало от доски, и они оба вздрогнули.

Сашка медленно поднялась.

– Шевцова! – повторила англичанка. – Я не вижу на столе твоего учебника. Где он?

– Я его забыла дома, Венера Игоревна.

– Как? Опять? – удивилась женщина. – Шевцова, это продолжается не первый месяц и не первый год. Я вообще не понимаю, как ты с таким отношением к предмету умудряешься учиться. Передай мне свой дневник, пожалуйста, – она важно приосанилась и в требовательном жесте протянула руку. – Я вынуждена написать замечание твоим родителям.

– Нет.

– Что нет? – изумленно выдохнула англичанка.

– У меня нет дневника.

– То есть как это? Тоже забыла?

– Да.

Учительница подошла к первой парте и нахмурилась.

– Немыслимо! Если у тебя сейчас не окажется выполненного домашнего задания, я буду вынуждена выставить тебя из класса и поговорить с Тамарой Михайловной.

– Есть! Оно у меня есть! – Сашка протянула тетрадь, и каблучки важно процокали между рядами. Англичанка взяла тетрадь, пролистала... Оставив открытой, вернула, положив на стол перед девочкой.

– Ты какой-то уникам, Александра, ей-богу, – покачала головой, внимательно глядя на ученицу, отвернувшую лицо к окну. – Даже не знаю, что мне с тобой делать...

– Игнатушка! Сынок! Эй! А мы с папой тут! Заждались уже!

Дорогой «опель» остановился неподалеку от школьных ворот, и едва мальчишка показался на широкой аллейке, родители радостно его окликнули.

– Ну, как прошел день? – мама поймала Игната за плечи и звонко чмокнула в пухлую щеку. Поправила на мальчишке шапку и капюшон. Отец ласково похлопал сына по спине. – Познакомился с ребятами? Оценки получил? Ну давай, солнышко, рассказывай! Нам с папой не терпится все узнать! Кстати, как насчет того, чтобы отметить окончание второго учебного дня походом в «Шоколадницу»? Лично я здорово проголодалась!

Это было так привычно – папа и мама, всегда любящие, всегда внимательные, всегда рядом. Но сегодня Игнат вдруг почувствовал себя взрослым и уже не в первый раз за день смутился. Оглянулся поверх плеча в сторону ворот, желая разглядеть своих одноклассников, торопящихся домой.

Мимо прошла Сашка, в тоненькой курточке и легкой мальчишеской шапке, и даже не посмотрела в его сторону. Совсем как тогда, когда собрала рюкзак и вышла из кабинета иностранного языка. Так и не ответив Игнату на вопрос: «Можно я на английском буду сидеть с тобой?»

Он вдруг оставил родителей и догнал ее.

– Аля! Аля! – окликнул, но девчонка не сразу обернулась. Словно не поняла, что он обращается к ней. Пришлось ее оббежать и встать на пути. – Аля, поехали с нами! Нам же в одну сторону! Мой папа нас подвезет. А еще мы едем в «Шоколадницу», и я тебя приглашаю. Мои родители не будут против! Поехали? Я вас познакомлю.

Но Сашка, как всегда, ничего не сказала. Просто отвернулась и еще быстрее зашагала по аллейке, смешиваясь в толпе с другими школьниками. Игнат ни с чем вернулся к родителям и, к их огорчению, отказался ехать в кафе. Залез в машину и молчал всю дорогу к дому, не заметив, как обеспокоенно переглянулись между собой папа и мама.

– Мам, не приезжайте больше за мной в школу, ладно? – попросил, когда «опель» остановился у их дома и двигатель затих. – Я хочу сам возвращаться домой, как другие.

– Сынок, но нам вовсе не трудно, – удивилась мама. – К тому же у папы выходной. Да и что за глупости, Игнат? – женщина улыбнулась. – Многих детей после уроков забирают родители, и ничего. И потом, ты еще недостаточно хорошо знаешь город. Мы беспокоимся.

– Я уже не маленький. Пожалуйста, мам! – попросил мальчишка. – Я ни за что не заблужусь! Здесь же недалеко!

– Ну, это как сказать, – веско вставил папа. Спросил вдруг серьезно: – Сынок, у тебя в новой школе точно все в порядке? Нас заверили, что школа отличная, но если намечаются проблемы, мы без вопросов переведем тебя в другую, только скажи.

– Нет, мам, пап! Все хорошо!

Где-то там по дороге к дому шла Сашка, и он рискнул спросить, выпрыгнув из машины.

– Мам, а можно я немного погуляю во дворе? Прямо сейчас. Я недолго!

– Сынок, – женщина выбралась следом и посмотрела на мальчишку с мягким укором. Забрала из его рук рюкзак, чтобы передать мужу. – Вот так? В новой школьной форме?

– Да! Я аккуратнo!

– Игнат, не выдумывай.

– Ну, ма-ам!

Сашка не записала домашнее задание по английскому, и он уже придумал причину, по которой остановит девочку и заговорит. Правда, нужно было еще вернуть рюкзак. Но даже если папа занесет учебники в дом, всегда можно пригласить соседку зайти в гости и показать новую комнату – большую и светлую. Пожалуй, самую лучшую спальню в их четырехкомнатной квартире. И потом... он еще никогда не дружил с девочкой.

– Игнат, я тебя не узнаю, – озадачено нахмурилась мама. – На улице слякоть, а ты прекрасно знаешь, что тебе необходимо беречь горло.

– Но...

– Никаких «но»! Сынок, – уже мягче сказала женщина, увлекая мальчишку к подъезду, – к нам бабушка приехала, сейчас наверняка печет твои любимые пироги и ждет не дожидается внука. Да и переодеться не мешает, и отдохнуть. Ну какой двор? Через два часа занятия в музыкальной школе. Скоро выходные, еще погуляешь.

Синие глаза с грустью взглянули на дорогу.

– Хорошо, мам.

Мигнул красный сигнал светофора и загорелся зеленый. Сашка перебежала пешеходную разметку и пошла по тротуару, мысленно повторяя про себя правила образования английских наречий, воссоздавая в памяти картинку из учебника. Ничего сложного, обычная тема, обычный урок. Нужно только внимательно слушать учителя и запоминать, она давно к этому привыкла. И не отвлекаться, ни за что ни на кого не отвлекаться. Сашка потому и не любила ни с кем сидеть, чтобы не мешали сосредоточиться. И сегодня бы наверняка все запомнила, если бы не ее новый сосед – Игнат Савин.

Какое странное имя – Игнат. Девочка мысленно покрутила его на языке. Как у богатыря из сказки или кузнеца. Вот только улыбка у мальчишки оказалась мягкая и большие бы подошла какому-нибудь сказочному бравому или сыну мельника. Она вдруг подумала, что если бы не пухлые щеки новенького, скрывающие ямочки, Ника Маршавина наверняка бы не фыркала и не жаловалась подружкам на соседа по парте, который совсем ее не замечал – ни задранного носа, ни модных кудряшек в высоком хвосте, ни брошенных свысока насмешек. Когда новенький не слушал учителей и не писал, он робко поглядывал на Сашку.

Тоже мне чужак, решила девочка. Нашел, на кого смотреть. И все-таки было так странно понимать, что из всего класса лишь он один испугался за нее, когда она взобралась на старую теплицу.

А впрочем, откуда ему знать, что для нее это не впервые?

Сашка вздохнула и взбежала по бетонным ступенькам невысокого крыльца. Толкнула дверь, входя в районную библиотеку. У нее не было дорогого учебника по английскому – специальный улучшенный школьный курс, не было домашнего словаря и дополнительного задачника по алгебре, как и у отца не было денег и желания их купить. Но библиотека с учебным залом отчасти помогала решить проблему, и девочка часто сюда заглядывала. Вот и сегодня заторопилась домой только спустя полтора часа.

Смех отца Сашка слышала еще за дверью их двухкомнатной квартиры и остановилась на пороге, догадавшись, что в доме гости. Коврик в прихожей был смят, у стены лежали небрежно сброшенные женские сапоги, а на вешалке висела чужая поношенная кроличья шубка. Ясно. Сегодня со смены отец вернулся не один.

Девочка прикрыла входную дверь и разделась.

Дмитрий Шевцов, огромный как медведь и такой же сильный в свои тридцать шесть лет, показался из кухни. Зашатался, уперев ладонь в стену.

– О! А вот и моя Сашка пришла, – бросил за спину, обращаясь к неизвестной гостье. – Из школы вернулась. Привет, дочь! – прорычал пьяно.

– Привет, пап.

– Чего так поздно? – спросил, икнув, и в низком голосе обозначились недовольные нотки. Впрочем, как всегда. Сашке давно следовало к ним привыкнуть, вот только никак не получалось.

– Я заходила в библиотеку.

– Куда? – зашатался мужчина, делая шаг вперед. – Громче! Рапортуй мне, а не жуй сопли! Ну! Я тебе, мать твою, старший сержант, а не зеленый пацан!

В доме была женщина, и Шевцов снова забыл, что его давно комиссовали из армии и сегодня он простой грузчик.

Сашка повернулась и посмотрела на отца. Повысила голос, как тот просил.

– Я зашла в библиотеку, пап. Мне нужно было подготовиться к урокам.

Сильные руки подхватили худенькие плечи и легко приподняли девчонку над полом. Мужчина сально чмокнул дочь в лоб и поставил на ноги. Подтолкнул грубовато под спину в сторону кухни.

– Вот! Так бы сразу и сказала. А то пищит мне, какдохлый комар три дня не жравший. Ксюха, слыхала, где была моя дочь? В библиотеке! Учись, как надо детей воспитывать! А то разведут слюни. Задницы подтирают...

– Здравствуйте! – поздоровалась Сашка.

Она едва взглянула на подвыпившую незнакомку и на задранную юбку, обнажившую полное бедро. Сколько их здесь перебывало – давно потерял счет. Уйдет одна, появится другая. Девочка прошла к плите, включила газовую конфорку и поставила чайник. Переступила с ноги на ногу, чувствуя, как зябнут стопы в тонких носках – старые батареи грели паршиво. С сожалением покосилась на стоптанные тапочки на чужих ногах – ее тапочки, Сашкины. И почему они все норовили в них влезть?

На столе, на выцветшей клеенке, стояла банка с гусиным паштетом, лежал плавленый сыр, хлеб, а в тарелках – нарезанная кольцами колбаса, сало и соленые огурцы. Почти праздник, по их скромным меркам. Значит, отец получил зарплату. На полупустую бутылку водки и рюмки Сашка предпочла не смотреть. Она заварила в чашке чай и присела на свободный табурет. Потянулась за хлебом. Взяла колбасу.

– Какая она у тебя послушная, Дим. Прямо вежливая вся, – женщина неожиданно погладила Сашку по голове, заставив девочку напрячься. Хмыкнула пьяно: – Не то что мой оболтус-двоечник! Только сигареты у мамки тырить и умеет, да еще деньги на кино просить. Я его осенью к бабке своей отправила, пусть дед воспитывает, раз уж у меня под боком нет настоящего мужика.

– Вот это правильно, Ксюха! Вот это дело! Пацану мужской кулак нужен и ремень! Чтобы как вытянул по заднице, так и отбил вместе с мягким местом охотку перечить старшим! Я в армии салаг быстро вежливости учил. С одного удара понимали.

Женщина прыснула смехом:

– Может, хоть личную жизнь устрою. Найду воспитателя своему оболтусу.

Взрослые рассмеялись.

– Кстати, я закурю, милая? – гостья улыбнулась, и девочка заметила, что у нее надбит передний зуб, совсем как чашка в руках у Сашки. Она потянулась к пачке сигарет, подхватила одну губами и чиркнула зажигалкой. Затянулась. – Не возражаешь? – выдохнула облако дыма под потолок.

Девочка возражала, еще как. Но вместо ответа коротко взглянула на присевшего за стол отца и пожала плечами.

– Нет.

Взяв ложку, размешала в горячем напитке сахар и надкусила бутерброд. Принялась с аппетитом жевать, стараясь не вдыхать дым. Есть хотелось ужасно. Утром не получилось позавтракать, а школьного обеда ее лишил этот придурок из 7-го «Б», Артур Чвырев. Он не в первый раз докучал Сашке, и сегодня ей пришлось его ударить, чтобы отстал. Как и обещал отец, мальчишка сразу понял, что девчонка настроена серьезно.

Сашка вспомнила большие синие глаза новенького, распахнувшиеся в тревоге, когда она после перемены показалась в классе. Глупый. Неужели этот Савин думал, что она не справится?

– Сашка! Оглохла, что ли?

– Что? – девочка вздрогнула.

Серые глаза отца, затянутые хмелем, тем не менее смотрели прицельно.

– Дневник неси! – огненный язычок от зажигалки коснулся сигареты. Между разомкнутых губ мужчины закружил едкий дым. – Будем показывать тете Ксюше, как ты у меня учишься.

Спорить было бесполезно. Сашка молча встала и вышла в прихожую. Достала из рюкзака дневник и принесла отцу. Села за стол, хлебнула чай и закашлялась.

– Пап, можно я пойду к себе? – спросила, впрочем, не надеясь на разрешение. И не ошиблась. Шевцов старший любил компанию.

– Сидеть, я сказал! Здесь ешь! Нечего по дому сор разносить! – Сегодня у него было отличное настроение.

– Дима, не ругай ребенка, – гостья встала и прошла в Сашкиных, не по размеру маленьких тапочках к окну. Поправила кокетливо волосы. – Я сейчас форточку открою! И правда, накурили мы с тобой.

Но с открытой форточкой стало только хуже. Сашка отвернулась и поджала ноги, спрятала нос в чашке с горячим чаем.

В дневнике, как всегда, все оказалось чисто и аккуратно. Девочка очень старалась не расстраивать отца, и женщина завистливо хохотнула, нависнув у Сашки над плечом:

– Надо же! Дим, да она у тебя настоящая умница! – удивилась. – А что будет, если появится двойка? – спросила с пьяным любопытством.

Теперь хохотнул отец. Протянув руку, потрепал ласково дочь по макушке.

– Она знает, что будет. Правда, Сашка? – впел пальцы в густые волосы, сжимая их в кулак. – Шкуру спущу, – процедил сквозь зубы, – и это самое малое. У меня своя методика воспитания, и лучше тебе, Ксюха, о ней не знать. Ну, чего смотришь на папку волчонком, а? – мужчина стиснул щеки дочери крепкой рукой. Запрокинув девочке голову, резко отпустил. – Вырастешь, еще спасибо отцу скажешь, что он тебя уму-разуму научил. Человеком сделал!

Глаза женщины восторженно распахнулись.

– Димка, какой же ты крутой мужик!

– Да уж не пальцем натканный, как некоторые! – «крутой мужик» важно протянул руку к бутылке и разлил водку по рюмкам. Поставил полную чарку перед новой подругой. – Давай, Ксюш, лучше накатим еще по одной за знакомство! За состыковку двух индивидуумов, так сказать!

Сашка захрустела соленым огурцом, поглядывая, как взрослые закусывают, жмурясь от крепости спиртного. С гусиным паштетом, намазанным на черный хлеб, и сладким чаем, огурец казался особенно вкусным. Тетя Нина, двоюродная тетка отца, единственная их родня, умела делать засолку. Но водка закончилась, а вечер только начался. Дмитрий Шевцов поднялся с табурета, достал из кармана джинсов крупную купюру и хлопнул об стол ладонью.

– Санька, хватит жевать! – прорычал. – Давай, дуй в магазин! У нас с тетей Ксюшей бухло закончилось. Купи там себе чего-нибудь – «Сникерс» или «Чупа-чупс», папка разрешает. Ну, чего смотришь? Метнулась, я сказал!

Женщина удивилась. Глянула осоловело на друга, раскидывая мозгами.

– Ты чего, Дим? – неуверенно протянула. – Ей же не продадут, – пожалала полными плечами. – Она ж малолетка! Шутишь?

Но новая подруга отца не знала всех тонкостей, и Шевцов снизошел до короткого пояснения, благо был в расположении духа.

– В магазине, что на углу дома, продадут. Пусть только попробуют не продать, – ладонь над купюрой сжалась в кулак, – поломаю! Меня с Сашкой там все знают. Не, кипишуй, Ксюха, сейчас все будет!

Сашка не медлила, у нее загорелись глаза. Девочка соскочила с табурета, забыв о холоде, что проникал в форточку, выстуживая пол. Натянулась струной.

– Пап! – позвала.

– Ну, чего еще?

– А можно я бумагу куплю? Белую, чтобы рисовать? Я тебе говорила, помнишь? И папку! А еще краски акварельные, в тубиках!

– Чтобы рисовать?

– Да!

– Лошадок и карусели?

Сашка смешалась и промолчала. Ссутулилась, но взгляд не отвела.

– Вот видела! – огромный кукиш уставился в детское лицо. Ткнулся больно в нос. – Я тебе что, бл*дь, Рокфеллер?!

– Дим... – отозвалась гостья, но мужчина уже и сам откинул плечи, опершись на стену, хмуро оглядывая дочь.

– Куплю я тебе, Сашка, бумагу. Куплю. Только выбирай одно из двух – или жопу подтирать, или рисовать!

В магазине почти никого не было, и девочка с облегчением выдохнула. Прошла медленню вдоль прилавка, разглядывая товар, задержалась у канцтоваров и подошла к кассе. Встала за старушкой, которая все никак не могла определиться с покупкой, перебирая кошачьи консервы. Наконец, выбрав, пошаркала к выходу.

Сашка посмотрела на купюру в руке, прикидывая траты. Несмотря на гнев отца, с полочки все равно следовало кое-что купить для дома, и иногда ей удавалось сэкономить для себя. На мелочи, но все же. А сегодня, когда в их кухне хохотала незнакомая Ксюша, отцу точно будет не до проверки сдачи.

– Дайте, пожалуйста, мыло, стиральный порошок, альбом... – девочка запнулась, – ... и бутылку водки.

Продавщица с пониманием усмехнулась.

– Что, опять? Сам-то папка чего не пришел? Развлекается?

Женщине за прилавком было лет тридцать пять – крупная, холеная. Из расстегнутой сверху блузы, прикрытой на плечах жилетом-тулупчиком, выглядывала пышная белая грудь и золотая цепь с кулоном. Сашка не раз видела, как продавщица заигрывала с ее отцом.

Девочка опустила взгляд и посмотрела в сторону. Промолчала.

– Ну, не хочешь – не отвечай. И так ясно. Только передай Диме, что я ему и тут налить могу, если заглянет. Какое тебе мыло? Душистое с яблоком подойдет?

– Да.

– Альбом на двадцать четыре листа? Или двенадцать?

– Двенадцать.

– А водку какую?

Сашка замерла. И дернуло же ее посмотреть в окно. По аллейке, ведущей к магазину, направлялся ее новый сосед Игнат Савин с мамой. Они держались за руки и улыбались, и подходили все ближе. Сашка почувствовала, как в груди заколотилось сердечко, и задрожали ноги. Щеки опалило жаром, а ведь она никогда не краснела...

– Эй! Я спрашиваю, водку какую давать? «Столичную»? Или «Хортицу»? Чего там папка заказал? Давай, решай быстрее, пока нет никого. Думаешь, мне охота лишиться работы? И так сама троих детей тяну. Ну!

Двери открылись...

– «Столичную»! – Сашка схватила бутылку и прижала к себе, распахнула глаза, протягивая женщине ладонь для сдачи.

– А порошок?

– Не надо! Я завтра забегу!

– Ну, как скажешь.

Сашка подхватила мыло и, не поднимая глаз, стрелой выскочила на улицу. Побежала, не оглядываясь, по тротуару к дому. Конечно, она не слышала, как вошедшая в магазин женщина удивленно спросила у сына, обернувшегося вслед однокласснице:

– Игнат, кто эта девочка?

Прозвенел звонок, урок математики закончился, и учительница отпустила класс. Обратилась к девочке за последней партой:

– Саша Шевцова! Задержись, пожалуйста! Подойди ко мне. Обещаю, что не займу у тебя много времени, – уточнила, зная, что ребята спешат в столовую.

Сашка сложила учебные принадлежности в рюкзак и подошла к столу классного руководителя.

– Да, Тамара Михайловна?

– Саша, нам нужно поговорить, – женщина переплела пальцы рук, озадаченно глядя на свою ученицу. – У нас прошла самостоятельная работа. Почему ты снова не сделала пятое задание? – спросила не строго, а скорее с сожалением. – У тебя мог быть высший балл в классе.

– Не успела.

– Ты даже не пыталась! – осторожно укорила. – В четырех первых заданиях ни единой ошибки, и это повторяется из одной работы в другую. Саша?

Девочка подняла голову, встречая внимательный взгляд, направленный на нее из-за очков.

– Ты можешь мне сказать, что происходит? Я в растерянности. Такое чувство, словно ты боишься выделиться. Стать первой.

– Я не боюсь.

– Тем более! Александра, люди должны становиться первыми по праву, а не по везению. А ты отнимаешь у себя право стать лучшей еще в начале своего пути! – учительница покачала головой. – Почему? Впереди две контрольные и школьная олимпиада. Я бы очень хотела, чтобы ты приняла в ней участие. У тебя есть все шансы победить и попробовать силы дальше. Ты очень способная девочка, и я сама готова уделить тебе время...

– Я не хочу, – это прозвучало тихо, но так упрямо, что женщина невольно запнулась.

– В этом и вопрос, – вздохнула. – А надо, чтобы хотела.

Она встала из-за стола и подошла к Сашке. Опустила руку на худенькое плечо. Об этом ребенке Тамара Михайловна, получившая класс под свое руководство всего три месяца назад, еще мало что могла сказать. Только то, что девочка казалась ей закрытой и малообщительной,

притом что обладала определенным авторитетом в классе. Неявным, словно по умолчанию. Но двадцать лет учительской карьеры подсказывали женщине, что не все так просто, а еще, что она не ошибается. Эта девочка играла с ней. Легко и быстро решала задачу у доски, допуская в решении погрешность в самый последний момент. В ее умных глазах, всегда смотрящих немного исподлобья и прямо, читалась правда: «Я знаю, но не хочу отвечать. Не трогайте меня, мне это не нужно. Хватит с меня и четверки». Ее оценка никогда не бывала ниже – она не угадывала, в свои двенадцать лет Саша Шевцова полностью отдавала отчет тому, что делает. И это качество характера Тамара Михайловна не могла не оценить.

Длинные пальцы заботливо сжали плечико.

– Саша, если тебя что-то волнует или мешает учебе, ты можешь мне сказать. Я попробую помочь. Помни, что я на твоей стороне, и ты всегда можешь мне довериться.

Если бы Сашка могла, она бы сказала. Но ее мир еще ни разу не дал усомниться в своей несокрушимости. В том, что в нем может что-то измениться.

Женщина ждала. Целую минуту ждала, что девочка поднимет взгляд и откликнется. Она уже приготовилась ей по-доброму улыбнуться, но та продолжала смотреть в окно.

– Спасибо, Тамара Михайловна, но у меня все хорошо.

– Ладно, беги, Саша. Подумаем, что делать дальше.

– Пухлый! Эй, хомяк! Это ты стырил у меня яблоки?

– Нет, я не брал.

– Врешь! А почему у тебя щеки на плечи свисают?

Мальчишки захохотали, а новенький отвернулся и уставился в тарелку.

Сашка вошла в столовую, прошла между рядами и села за стол, как раз напротив Савина. Точнее, это он зачем-то уселся рядом с ее обычным местом – точно чудак. Девочка холодно взглянула на компанию одноклассников, в которую затесался Чвырев, и принялась есть. С Савиным она сегодня утром не поздоровалась – хватит с нее их вчерашней встречи.

– Пухлый, у тебя есть деньги?

– Нет.

– А у меня есть. Смотри! – Чвырев достал из кармана мелкую монету и положил на стол перед мальчишкой. Отобрав тарелку, запустил в нее пальцы и сунул в рот сосиску. Принялся, чавкая, жевать. – Значит, этот обед мой! Понял, в чем фишка? На халяву жрать нельзя! Думаешь, самый умный? – он снял со стакана с чаем булочку и надкусил. Стал хохотать, даже не прожевав.

Игнат вдруг растерялся и покраснел. В северном городке, откуда они с родителями переехали в этот город, учебные классы были небольшими, многие родители знали друг друга в лицо, и все протекало мирно. Но даже не это стало главной причиной появления румянца на его щеках. Рядом сидела Сашка Шевцова и слышала насмешки. А он совершенно не знал, что делать и как поступить.

– Пухлый, ну раз у тебя нет денег, в следующий раз скажи своей мамочке, пусть подкинет. Ты мне еще за яблоки остался должен, понял? А я долги помню.

– Нет, – Игнат постарался как можно тверже взглянуть на паренька из 7-го «Б», который сегодня испортил ему обед точно так же, как вчера Сашке. – Я тебе ничего не должен. Я тебя даже не знаю. Это ты мне теперь должен, и за булочку тоже!

– Че-го? – парнишка напыжился. Наклонился над Игнатом: – Что ты сказал, Пухлый? – пихнул того в плечо. – Что я тебе должен?! Деньги?! А ну повтори!

– Чвырев, отстань от него, – неожиданно отозвалась девочка. А ведь не хотела вмешиваться, но какое-то чувство, шевельнувшееся в груди, не дало смолчать.

– Почему это вдруг? – удивился тот.

– Потому что он новенький и еще не знает, какой ты придурок.

– Шевцова, напросишься...

– Я тебя не боюсь, Артурчик, – Сашка хмыкнула. – И не мечтай! А Тамара Михайловна с завучем уже смотрят в нашу сторону. И если они подойдут...

– Ты им все равно ничего не скажешь, Чайка, – парнишка насторожился, но все же ответил девочке смешком. – Я тебя знаю.

– Я – нет, – согласилась Сашка. – А вот он – да. Правда, Савин? А я и кивнуть могу, не гордая. И не думаю, Чвырев, что его родителям понравится новость о том, что у их сына в школе вымогают деньги. А больше всего новость не понравится нашему директору, когда они придут на тебя жаловаться и требовать изолировать от их сыночка. – Девчонка изобразила на пальцах решетку. – Если бы я могла, я бы тебя давно от нормальных людей в зоопарк отселила, в клетку с шимпанзе. У тебя такая же тупая улыбка. И показывала бы за деньги.

Сашка схватила со стола монетку и бросила в мальчишку.

– Ну, давай, обезьянка, попрыгай! Скажи нам, как собачка: «Гав-гав»!

Игнат замер, и друзья паренька тоже. Сашка сидела собранная в комок и смотрела прямо в лицо обидчику. Сейчас мальчишка бы и сам не смог ответить, кого следовало бояться больше. Такая Сашка казалась совершенно непредсказуемой и безрассудно смелой.

Чвырев отступил первым. Оглянулся в сторону учителей и мазнул по Савину злым взглядом. Посмотрел на девочку, прищутив глаза:

– Когда-нибудь я тебя убью, Чайка.

– Попробуй. Не думаю, что когда-нибудь, у тебя хватит на это духа.

– Аля?

– Чего тебе, Савин?

– Спасибо.

Игнат стоял у последней парты и переминался с ноги на ногу. Сашка не ответила. Уткнулась носом в учебник родного языка и прижала ладони к голове. Даже не повернулась. И дураку ясно, что не хочет говорить. Игнат вернулся к своему рюкзаку и достал альбом. Снова подошел к последней парте.

– Аля, кажется, это твое. Ты вчера уронила в магазине. Знаешь, она веселая.

– Кто? – Сашка все-таки подняла глаза.

– Песня, что на обложке альбома, – мальчишка улыбнулся. – Видишь, там птицы и ноты, а значит, есть мелодия. Я попробовал ее наиграть... – Игнат собрался с духом и спросил: – Аля, можно после уроков я пойду с тобой домой?

Сашка нахмурилась:

– Ты что, боишься?

– Нет. Честное слово.

– Тогда нет, – ответила резче, чем хотела. И будто бы рассердилась на себя. – И вообще, Пух, иди лучше к Маршавиной! Чего ты ко мне пристал!

Уже сидя за партой с Вероникой, Игнат набрался смелости и спросил свою важную соседку:

– Ты не знаешь, почему Шевцову называют Чайкой? Это звучит странно.

– А ты что, Савин, влюбился? – девочка фыркнула, удивившись, что мальчишка впервые с ней заговорил. Посмотрела с интересом в синие глаза новенького, которые тот тут же смущенно прикрыл темными ресницами. – Она же ненормальная. Все знают, что с ней лучше не связываться.

– Мне просто интересно, мы живем в одном доме.

– А-а, – цвет глаз Игната Веронике понравился, и она решила все-таки ответить: – Потому что в третьем классе в сочинении с темой: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь», она написала, что хочет стать птицей. Чайкой. И улететь в море. Ну не глупость?

Маршавина хихикнула, Савин нахмурился, а Сашка, увидев, как девочка и мальчик за второй партой склонили друг к другу головы, решила: «Ну и пусть!»

Она не разрешила ему, но он все равно шел за ней к дому. И утром брел к школе. На уроке иностранного языка снова сел рядом, выдержав хмурый взгляд девочки, и зачем-то сказал учительнице, что это не Сашка, а он забыл дома учебник. А после признания легко отдал англичанке дневник для замечания и ничуть не расстроился, когда увидел в нем надпись красным и размашистую подпись.

– Больше так не делай, Пух. Тебе же от родителей попадет, – недовольно буркнула Сашка. Но на следующем уроке английского мальчишка за последней партой единственный из всех учеников в классе написал самостоятельную работу на отлично, и учительница вновь попросила дневник, но уже затем, чтобы поставить в него высшую оценку.

На этот раз Сашка не спешила, и к дому они с Игнатом плелись почти час. Еще не вместе, но уже и не порознь.

– Спасибо, Аля, что помогла.

– Да мне не трудно. Там же легкотня!

– Для меня трудно. Сам бы я ни за что не справился.

– Спасибо, что принес альбом, – ответила Сашка с опозданием на неделю, но Игнат понял и откликнулся, открывая для девочки дверь в подъезд.

– Пожалуйста.

– И за открытку спасибо.

К удивлению Сашки в альбоме оказалась открытка. Ничего особенного – город с фантастическими небоскребами, летающими платформами-садами и воздушными туннелями, освещенный солнцем – Мельбурн будущего, прочла она на обороте, но в тот день девочка нанесла на стену собственной комнаты первый графитный штрих и подумала о цветных мелках.

«Если это сказка, то пусть она станет ближе, – решила Сашка, – даже если никогда не осуществится».

– Просто... просто у меня другой не было, – признался Игнат и как всегда мило смутился. Он вдруг вспомнил, как ему захотелось что-нибудь подарить Сашке. В последнее время он ни о ком и ни о чем думать не мог, кроме своей юной соседки. Даже о музыке. Такого с ним еще никогда не было. Каждый раз, когда он смотрел на девочку, она казалась ему еще красивее и еще нужнее. Он даже хотел рассказать о своих странных чувствах маме, но в последний момент передумал. А вдруг Сашка ей не понравится? Эта мысль почему-то показалось мальчишке страшно недопустимой.

– Мой папа однажды был в Австралии и купил эту открытку в аэропорту, – признался Игнат. – Он хочет, чтобы я, когда вырасту, стал инженером и строил города. Она тебе понравилась?

Сашка ничего не ответила, только кивнула и ушла. Легко взбежала вверх по ступенькам, оглянувшись, оставила мальчишку с улыбкой смотреть ей вслед.

А через несколько дней на уроке физкультуры Игнат упал и неожиданно заболел.

Его не было дней десять, Сашке уже стало казаться, что синеглазый мальчишка ей принился и на самом деле ученик по имени Игнат Савин никогда не приходил в их класс. Не сидел за одной с ней партой на уроках английского, не делился учебником и не улыбался робко,

когда она на него взглядывала. Сашка стала еще молчаливее, чем прежде, и перестала замечать даже Чвырева с его глупыми шутками. А по вечерам, когда отец отправлял ее в свою комнату и развлекался с Ксюшей и друзьями, девочка включала настольную лампу и рисовала. Сашка обладала отличной памятью и фантазией. Внутри ее души жил целый мир, полный красок и живых существ. В этот мир она возвращалась, когда оставалась одна, и герои из книг получались на бумаге как живые. И неважно, что дешевые цветные карандаши ломались и тупились, гуашь высыхала и трескалась, а на дорогую акварель и кисти не находилось денег... Сашке хватало листа бумаги, точилки и простого карандаша.

– Саша Шевцова! Останься, пожалуйста! Подойди ко мне!

Тамара Михайловна поздравила всех с наступающим Новым годом, зачитала оценки за четверть, провела с детьми беседу о безопасности и отпустила класс на каникулы. Встав из-за стола, подозвала девочку.

– Саша, у меня к тебе будет небольшая просьба. Точнее, поручение.

– Да, Тамара Михайловна.

– Вы ведь с Игнатом Савиным соседи и живете в одном доме? У тебя тринадцатая квартира, а у Савиных двенадцатая, все правильно?

– Д-да, – неуверенно ответила Сашка.

– Я хочу, чтобы ты проведала Игната, узнала, как он себя чувствует, и передала ему от класса новогодний подарок. Так будет правильно. Пожалуйста, скажи ему, пусть выздоравливает, и передай, что мы ждем его после каникул. Все поняла?

Сашка подняла на учительницу распахнутый взгляд и неожиданно отступила.

– Я не могу. – Эта идея ей совсем не понравилась.

– Саша?

– Тамара Михайловна, пожалуйста, нет! – взмолилась девочка. – А если дома окажутся родители? Что я им скажу? Они же меня совсем не знают!

Сашка представила, как звонит в дверь двенадцатой квартиры и на ее звонок выходит мама Игната – невысокая темноволосая женщина, в дорогом полушубке и на каблуках – такой ее девочка запомнила, и всерьез разволновалась.

– Саша, брось. Даже замечательно, если окажутся! Познакомишься и просто передашь подарок. Все! Даже странно, что ты так переживаешь.

Но Сашка упрямо мотнула головой, и Тамара Михайловна с сожалением выдохнула. В этот последний учебный день четверти ей очень хотелось закрыть все проблемы и уйти на праздники с легкой душой.

– Ладно, Саша, – она со стуком отложила на стол ручку. – Возможно, ты права и будет лучше, если я сама наведаюсь к Савиным. Заодно и к вам в гости загляну на минуточку, познакомлюсь с твоим отцом. Давно пора. Прошло три родительских собрания, а мы так и не встретились.

У Сашки перехватило дыхание.

– У него работа, он не смог прийти, – забеспокоилась девочка. – И я... я не знаю точно, в котором часу папа будет дома. Он говорил мне, что сейчас очень-очень занят! Вот нисколько нет свободного времени!

Представить Тамару Михайловну в их квартире за одним столом с Ксюшей и отцом оказалось еще сложнее, чем представить себя перед дверью квартиры Савиных.

– Ничего не может быть важнее собственного ребенка, – весомо и чуть-чуть с укором заметила учительница, а Сашка закивала:

– Хорошо, Тамара Михайловна! Я сегодня же зайду к Игнату и все передам! И папе передам! Все передам!

– Правда?

– Да! – подтвердила Сашка, забрала подарок и умчалась с учительских глаз так быстро, как только смогла.

Но прежде, чем она решилась спуститься на третий этаж к Савиным, Сашка пришла домой и целый час просидела одна в своей комнате. Отец спал, Ксюша с синяком под глазом варила суп... Увидев девочку на пороге кухни, подруга отца вытерла руки о сальный халат, отвернулась к плите и выругалась, как будто в Сашке скрывалась причина всех ее бед.

– Нечего еще есть! Иди к себе. Позову... Хлеб возьми, если хочешь.

Сашка сняла школьную форму, надела простенький свитерок и теплые лосины с уже заметными катышками. Сама себе в длинном зеркале девочка показалась бледной и тощей. И длинноногой, как кузнечик. Разве таким улыбаются? Вот сегодня даже в танцах не смогла принять участие, потому что нет ни модных туфелек, ни юбки, ни тонких колготок. О нарядной белой блузе или платье Сашка давно перестала мечтать. А может, и не начинала. Только школьная и спортивная форма, самое дешевое белье. Все остальное – лишнее, у отца в детдоме и того не было. А у Сашки есть целая комната. Своя комната. И стол. И лампа. И кровать. И даже зеркало в старом двухдверном шкафу свое, личное. Ну и пусть занавески и обои давно выцвели, а пол истерся, зато у нее был настоящий дом... и отец.

Сашка достала из рюкзака подарок для Савина – головоломку, которую подарили всем мальчишкам в классе, и конфеты – надела тапочки и тихонько выскользнула из квартиры. Спустившись на этаж ниже, остановилась перед дверью новоселов. Долго стояла, не решаясь нажать на кнопку звонка.

Ничего сложного и страшного. Подумаешь! Вот сейчас она позвонит, выйдут мама или папа, Сашка быстро передаст им в руки сверток и уйдет. Всего-то минута дела! Можно даже и не говорить ничего! Только «здравствуйте» и «до свидания».

– Здравствуйте!

Двери открыла бабушка Игната, после прицельного досмотра в глазок, и одного приветствия оказалось мало. С Сашки сошло семь потов, пока она подробно объясняла пожилой женщине кто она, откуда и зачем пришла. К удивлению последней, девочка передала подарок и наотрез отказалась от приглашения зайти в квартиру. Она уже попрощалась и направилась к лестнице, когда вдруг услышала за спиной:

– Аля? Аля!

Игнат, в легкой футболке и спортивных штанах, стоял в прихожей. Он позвал негромко, но с надеждой:

– Аля, не уходи. Пожалуйста!

Сашка обернулась. Мальчишка подошел ближе, чуть прихрамывая, и еще раз попросил:

– Не уходи!

Они смотрели друг на друга, кажется, не зная, что сказать. С юным любопытством и несмелой радостью ощупывая взглядами лица. Первой озадаченно хмыкнула бабушка, и мальчишка оживился.

– Аля, а ты... Ты можешь зайти ко мне в гости? – спросил и снова добавил: – Пожалуйста. Я буду очень рад.

Он улыбнулся, и Сашка сама шагнула навстречу. Поняла, что поздно говорить «нет», только когда переступила порог дома Савиных и остановилась перед Игнатом.

– Только я ненадолго.

– Пошли! Я покажу тебе свою комнату! Как хорошо, что ты пришла!

Мальчишка нашел Сашкину руку и провел по квартире – по уютному дому состоятельной семьи, с новым ремонтом и дорогой мебелью. Девочка сняла в прихожей тапочки и ступала по коврам так, словно боялась их испачкать – здесь совершенно точно не стоило опасаться холода. Если бы не пальцы Игната, сжавшие ее ладонь, она бы сбежала, а так старалась смотреть в

темно-русый затылок и не замечать ничего вокруг. Так было легче помнить, откуда она пришла, и легче вернуться в мир с пьяным отцом и недовольной Ксюшей.

И только в комнате Игната она позволила себе поднять глаза и осмотреться.

Комната оказалась светлой и очень просторной для детской спальни. Раза в два больше Сашкиной. Красивые шкафы, телевизор, книги, широкая кровать, компьютер... В этой комнате новым и современным было все, даже немецкое пианино из красного дерева с дорогой инкрустацией и надписью «August Forster» на откидной крышке, блестящее темной полировкой и медными пластинами. Сашка остановилась, в восхищении глядя на инструмент.

– Неужели оно твое? – искренне удивилась.

– Да, подарок бабушки, – кивнул мальчишка. – Она у меня в прошлом известный концертмейстер, а мама преподаватель музыки. Ну а папа врач. Я учусь играть на фортепиано с пяти лет.

– Какое красивое, – восхитилась Сашка.

– Очень! И акустика хорошая. Хочешь, я для тебя что-нибудь сыграю? Я как раз разучил новую пьесу. Хочешь? – загорелся желанием Игнат. – Я могу и веселое.

Девочка даже испугалась.

– Для меня? Нет, ты что! – замотала головой, отступая. – Не хочу! – она растерянно оглянулась, не зная, куда себя деть. Спрятала руки за спину, словно Игнат мог силой заставить ее стать причастной к чему-то грандиозному, волшебному и необыкновенному. Взгляд Сашки упал на книжную полку, где стояло не так уж много книг, но все в красивом серийном оформлении и девочка с надеждой спросила, пытаясь перевести внимание:

– Ты любишь читать?

– Да, – ответил Игнат. – А ты?

– И я, – призналась Сашка. – Очень!

– Если хочешь, ты можешь взять любую из моих книг. Давай покажу! – вежливо предложил мальчишка и потянулся к стеклянной дверце, а Сашке вдруг стало нехорошо.

– Нет! – глухо ответила она, упрямо качнув головой, и побледнела.

Под стеклом в шкафу лежали дорогие краски. Новенький набор акварели – «Невская палитра «Белые ночи», тридцать шесть цветов. И кисти. Белая, несбыточная Сашкина мечта. Девочка застыла, не в силах отвести от набора взгляд.

– Пух, неужели ты рисуешь? – спросила изумленно, затаив дыхание.

Сколько цветов! Сама Сашка смела мечтать лишь о двенадцати.

– Я? – мальчишка засмеялся. – Нет. Совсем не умею. Это папа! Купил, вдруг пригодится. Знаешь, родители много чего покупают мне просто так. Мне не нужно, но они все равно покупают. А я, честное слово, не прошу!

– Они тебя любят, – выдохнула Сашка.

– Думаю, да, – серьезно согласился Игнат и неожиданно спросил, расслышав в голосе девочки грусть: – А твоя мама? Она кто?

– Никто. У меня нет мамы.

– Как это? Совсем нет? – изумился мальчишка, но тут же спохватился. Смутился. – Извини, Аля. – Мысль о том, что у Сашки нет мамы, очень его взволновала.

– Да ничего, я привыкла, – девочка повернулась и посмотрела в синие глаза. – Я живу с папой. У нас есть двоюродная тетя Нина, но она живет в деревне, и я только летом могу ее навещать. А больше никого.

– Наверное, папа тебя очень любит? – Игнат не знал, что еще сказать, а Сашка промолчала.

В комнату заглянула пожилая женщина и важно поправила очки.

– Внучок, может, предложишь госте чай? Только что закипел. Я как раз привезла на гостинец рулет с брусникой и малиновое варенье. – Она обратилась к девочке: – Детка, тебе

малинку в чай класть? Она у нас вкусная, лесная, я сама летом собирала. А может, вам бутерброды приготовить? Игнатушка, как думаешь, чем нам порадовать твою гостью?

Мальчишка оживился, а Сашка съежилась.

– Конечно же, чай! Я сейчас! – бросился на кухню, позабыв о ноге, изумив женщину не по-мальчишески твердым: – Бабуля, я сам!

– Надо же! Ну, как скажешь...

Прежде чем уйти, женщина еще с минуту задумчиво оглядывала девочку, и Сашка под этим изучающим взглядом стояла ни жива ни мертва. Девочка думала: и зачем она только сюда пришла? В мир светлых ковров, тихих звуков и вкусных запахов? Дважды заштопанная на носке дыра горела факелом, как и растянутая на свитерке горловина. Тяжелый взгляд Ксюши даже здесь давил на плечи, не давая Сашке забыть, кто она и где ее настоящий мир. А что если ее сейчас выставят из этого красивого и доброго дома, как хитростью прокравшуюся в него воришку? Хотя Сашка ничего не брала. Она никогда и нигде ничего не брала...

– Аля, что с тобой?

Игнат вошел, поставил поднос с двумя фарфоровым чашками и печеньем на письменный стол, и посмотрел на девочку. Бабушка уже ушла, они были одни, и можно было никого не стесняться, разве что себя самого и своего желания.

Он колебался и все же осмелился. Руки у Сашки оказались холодными, как ледышки, хоть бери и грей. И Игнат попробовал согреть, несмело сжав их в своих горячих ладонях.

– Я не знаю, чего ты боишься, но не бойся, пожалуйста, – тихо попросил и вдруг сказал: – Аля, почему?

– Что, почему? – Сашка смотрела прямо в глаза и рук не убирала. Ей понравилось неожиданное тепло, исходящее от мальчишки, оно оказалось сродни подарку, и она жадно его впитывала.

– Почему ты не смеялась, когда я упал на уроке физкультуры? Все смеялись, а ты нет. Это, должно быть, было весело – неуклюжий толстяк и баскетбольный мяч.

Ответ давно крылся в Сашкиных мыслях, и признаться не составило труда. А еще девочка помнила, как отчаянно мальчишка старался не разреветься, когда больно подвернул ногу и не сразу смог встать. Тогда его забрали из школы родители, и Сашка снова шла домой одна.

– Потому что они дураки, Пух, и не понимают, что ты лучше их всех.

– Ты правда так думаешь?

– Правда.

Но чай остывал, и Игнат рассыпал на столе сладости из школьного подарка. Подвинул к девочке конфеты получше.

– Зачем ты? Это же самые вкусные! – удивилась Сашка.

– Ну и что. У меня еще есть, вкуснее! – Игнат выбежал из комнаты и вернулся с красивой коробкой в руках. Щедро раскрыл ее перед девочкой. – Попробуй! Эти – мои любимые!

Сашка попробовала и решила, что теперь они и ее любимые тоже.

– Нравятся?

– Да.

– Аля...

А потом Игнат рассказал, как отдыхал на море и плавал с дельфинами. Это оказалось почти так же круто, как увидеть своими глазами северное сияние, и если Сашка не против, он сейчас включит компьютер и обязательно ей покажет, как это красиво. И показал. Внутренний мир девочки тут же ожил и благодарно заиграл яркими красками. А потом Игнат признался, что давно мечтает научиться играть на гитаре, как знаменитый Джимми Пейдж...

– Как, ты не знаешь, кто такой Джимми Пейдж, и никогда о нем не слышала? Аля, он же настоящий волшебник! Я тебе сейчас покажу!

...И что, кажется, родители собираются подарить ему музыкальный инструмент уже совсем скоро, на этот Новый год.

– Но это, – мальчишка засмеялся и его ямочки притянули Сашкин взгляд, – конечно же, большой секрет! А бабушка случайно проговорила!

Он очень удивился, когда узнал, что у Сашки нет мечты, и что она ничего не хочет, и честно сказал, что так не бывает. А потом все-таки сыграл ей на пианино веселую мелодию и последнюю разученную пьесу – по словам Игната, жутко скучную, но Сашка ни капельки не заскучала. Они оба даже не заметили, как тихо за дверью наблюдала за их общением вся семья Савиных, и как быстро летело время. А потом...

В квартире снова оказалось накурено и пахло кислым, а из кухни доносились всхлипы Ксюши вперемешку со смехом и пьяным признанием Диме в любви. Сашка открыла дверь и проскользнула в дом едва слышно, не желая нарушать примирение взрослых, но отец все равно поймал дочь в прихожей и больно впился в плечо сильными пальцами.

– Санька! Стоять! – прорычал хрипло, разворачивая девочку к себе. – Сюда иди! Где была? – грозно спросил, дыхнув перегаром.

– Гуляла.

– Без куртки? Вре-ешь. – Отец присел на корточки и придвинул девочку к себе. Заглянул в глаза. – Где? Опять на крышу забиралась?! Я же тебя предупреждал...

Сашка не ответила. Да, можно было что-нибудь соврать, но девочка не хотела. Как всегда, смотрела на мужчину исподлобья, но прямо, сжавшись в комок. И только душа трепетала, билась птицей в тесной клетке, больно ранила крылья о прутья. Почувствовав вкус чужой свободы, она оказалась готова заплатить болью даже за глоток.

– Молодец, – пьяно захохотал Шевцов. – Моя кровь, не сучья! Могла бы и в рожу папке плюнула, да, Санька? Но не сможешь, – он хлопнул девочку пятерней по лбу, не рассчитав силу, и затылок больно стукнулся о стену. – Не надейся. Никогда не сможешь! Клянусь, я из тебя всем на зависть человека сделаю!

Мужчина поднялся, пошатываясь, и притянул дочь к себе. Поцеловал в макушку, надолго и с чувством припав к Сашке губами.

– Никому тебя не отдам, – повторил знакомые с детства слова, стиснув хрупкие плечики. – Никому, Санька! – И, словно очнувшись, подтолкнул привычно под спину.

– Ладно, иди. Считай, что я сегодня добрый. Одевайся, пойдешь на улицу...

– Зачем? – глухо спросила девочка.

– Сигареты закончились. Вернешься, сиди у себя, поняла? Нечего тебе на паскудство взрослых смотреть.

Но прежде чем вечер закончился и Сашка легла спать, она рисовала. Сегодня в ее груди тихой радостью пело маленькое счастье. Глядя на открытку в руке, девочка простым карандашом наносила на стену своей спальни линии города будущего и как никогда верила, что однажды этот город проступит сквозь старые обои ее личной сказкой, когда она разрисует его цветными мелками.

А за похожей стеной, только этажом ниже, счастливо улыбался синеглазый музыкант, сочиняя свою первую в жизни мелодию. Ее звуки еще были несмелыми и тихими, как первые капли весеннего дождя, как робкие чувства, толкнувшиеся в сердце мальчишки, но Игнат знал – она обязательно станет настоящей.

На следующий день выпал рыхлый пушистый снег. Он падал и падал на землю красивыми нежными хлопьями, и вся детвора окрестных домов высыпала на улицу. Мальчишка ждал девочку под окном, и она вышла. Они лепили снеговика, играли в снежки и просто смотрели друг на друга. В этот последний день старого года Игнат понял одну важную вещь, а еще увидел, как Алька улыбается. И услышал, как смеется. А еще она бегала так быстро, что никто во дворе не мог ее догнать.

Алька... Эти каникулы стали самыми счастливыми в их жизни. Но все однажды заканчивается, и счастье Сашки закончилось так же внезапно, как и началось.

– Ирина, если не ошибаюсь?

– Да?

– Простите, Ирина, можно вас на минутку. Я ваша соседка, баба Лида из третьей квартиры. Гаркуша Лидия Никитична. Какой мальчик у вас славный. Слыхала, вроде Игнаткой зовут?

– Спасибо. Да, Игнатом.

– Который день смотрю в окно и умиляюсь: ну до чего же воспитанный ребенок! Такая редкость в наше время. И опрятен, и одет как игрушка, и вежливый, а уж какой симпатичный! Сразу видно, что из хорошей семьи. И родителям не плевать на сына, как некоторым. Мне, старухе, особо делать нечего, вот и гляжу в окно на деток, радуюсь. Смотрю и внучатам своим носки вяжу – при дневном свете оно сподручнее. А тут мальчик ваш бегают, такой хороший. Уж я-то в людях разбираюсь.

– Да, погода стоит чудесная, а в школе каникулы. Золотое время для прогулок на свежем воздухе. Игнат у нас очень загружен учебной, так что мы с мужем только рады, что у него появились друзья и он доволен.

– Не только друзья, но и подруги. Еще годочков шесть, и прохода от девчонок у вашего Игнатки не будет! Не дай Бог, вертихвостка какая-нибудь попадется, собьет с пути, или с компанией дурной свяжется. За такими детьми уже сейчас глаз да глаз нужен. Жизнь она такая – оступился разок, а кривая возьми, да и выведи на обочину.

– Простите, Лидия Никитична, я не совсем понимаю... Это вы о чем?

– Это я о том, дорогая Ирина, что не с той компанией ваш сынок гуляет. Смотрю, с Санькой Шевцовой связался из тринадцатой. Без году неделя знакомы, а уже не разлей вода. А девчонка-то эта, как волчонок дикий. Ни тебе людям здрасти, ни тебе до свидания. Не расскажет о себе ничего, сколько уж раз пыталась ее допытать. Еще маленькой была, сверкнет серыми глазищами, и убежит! Гостинца с рук не возьмет! Но откуда там вежливости взяться-то и уважению к старшим, когда ни мамы родной, ни бабки, чтобы научить. Один папаша, и тот пьянь!

– Подождите... Вы о Саше говорите, с четвертого? Да, я слышала от сына, что у девочки нет мамы.

– О ней, о ком же еще! И о папке ее! Здоровый боров, красивый мужик, здоровья там на два века хватит! На строительном складе грузчиком работает. Бабы на него как течные телушки вешаются. А потом сбегает, дурищи, со слезами да с синяками. А может, он их сам в шею гонит, кто разберет. Так вот, Димка этот Шевцов еще после армии психом вернулся. Мало того, что детдомовский, так война последние мозги отшибла – уж не знаю, где он там воевал. Говорят, с ножиком ходит, как настоящий бандит! Борька Маслов, электрик наш со второго подъезда, как-то пил с ним в пивбаре, а после рассказывал мужикам, что Димка два года наемником служил на Ближнем Востоке. Не одного человека собственноручно порешил. На эти деньги и квартиру в приличном месте купил. К нему и сейчас типчики шастают – не приведи Господь! Урки, иначе и не скажешь! А не дай Бог, ваш Игнатка к ним в гости заглянет? Ты, Ириша, подумай на досуге. Побеспокойся за сыночка-то.

– Господи... С-спасибо.

– Да мне-то за что? Я о хороших людях беспокоюсь! Надоумила, мне и легче. А то смотрю – бегают, хохочут. Ишь ты, волчонок с курчонком...

Сашка стояла на лестничной площадке, опустив руки. В одной из них болтался пустой пакет для хлеба, в другой – до самого пола свисал шарф. Она стянула его с шеи, когда перехватило горло и стало нечем дышать.

Женщина поднималась по лестнице не спеша, уйдя в свои мысли, вспоминая, где сейчас ее сын – на улице, или дома. После первого визита девочка больше не приходила в их дом, но Игнат словно жил новой дружбой с Алькой. Когда Ирина Савина увидела девочку на площадке, она от неожиданности вздрогнула. Отвернулась от ребенка, растерянно поджав сумку к груди, застучала каблуками, а Сашка уставилась в стену. Так и разминулись молча, даже не поздоровались.

В тот день Сашка впервые из магазина не принесла сдачу – потеряла по дороге, и Ксюша не сдержалась. Руку, конечно, не подняла, побоялась, но обматерила со всем чувством. И плевать, что девочка едва ли ее услышала, а потеряны оказались сущие копейки. Появилась причина, и раздражение женщины выплеснулось с лихвой.

– Убью, сука!

– Дима, не надо! Только не бей! Я не хотела... – звон разбитой посуды и вскрики. Звуки глухой борьбы. На этот раз в стену врезался табурет, и Ксюша затихла.

– Пошла на хер!

Час разборок, слез, ругани, и за очередной подругой отца закрылась дверь.

– Сашка, твою мать! Выходи! Убери там все! Если эта сука вернется – задавлю!

Бывают у человека моменты, когда он болеет душой. И вроде бы температура тела в норме, и руки-ноги двигаются, голова поворачивается, а язык складывает звуки в самые простые слова, но что-то в нем ломается, истончается до мембраны, и на какое-то время он становится беззащитен.

Вот и Сашка сломалась. Закрылась в своем мире, который вдруг выпвел и посерел, съжившись до маленькой комнаты в девять квадратных метров со старой мебелью и вылинявшими занавесками. Заболела душой, потеряв ко всему интерес, а когда пришла в школу, Игнат ее не узнал.

– Аля, здравствуй.

– Уйди, Савин. Я сижу одна.

Одно движение и чистенький рюкзак Игната упал на пол вместе со спортивной формой.

– Аля?

Очень спокойное и холодное в ответ:

– Уходи, ты меня отвлекаешь.

Сашка открыла тетрадь и закрыла уши. Сжав рот в твердую линию, уставилась перед собой, повторяя домашнее задание, отказываясь замечать застывшего возле ее парты мальчишку. Он неуверенно оглянулся, услышав за спиной смешки одноклассников, и снова посмотрел на девочку, не в силах поверить, что это Алька прогоняет его. Та, чьи тонкие пальцы он знал наизусть и любил держать в руках. Да, мама была убедительна и постаралась тактично объяснить сыну разницу между их семьями. Почему Игнату не стоит водить дружбу с соседкой, если он хочет вырасти хорошим человеком, а не изгоем общества, но он не стал ее слушать. Точнее, он слушал не слыша, протестуя еще не словами, но чувствами.

– Аля, мне все равно.

– Что «все равно»? – Сашка не хотела, но подняла голову и взглянула в побледневшее лицо Игната.

Мальчишка молчал, не находя слов. В его мыслях Алька совершенно не вязалась ни с чем плохим и страшным, совсем наоборот. У него захватывало дух уже оттого, что он мог

ее видеть, подойти и даже коснуться, куда уж тут заметить простенькую одежду или косые взгляды соседей.

Но девочка ответила сама.

– А мне нет. Больше нет, – сказала и отвернулась. – Уходи, Савин! Твое место рядом с Маршавиной, не со мной.

– Но, Аля...

– Да иди же! – рассердилась, не сдержавшись. – Иначе я тебя ударю! И никогда, слышишь, больше никогда не подходи ко мне и не называй этим глупым именем!

Она не замечала его до конца учебного года, а как только начались каникулы – Сашка с отцом уехали. Они вернулись к сентябрю, двадцать девятого августа, и Игнат наконец-то дождался, когда в квартире Шевцовых зажегся свет, а в окне мелькнула худенькая фигурка. В тот день он простоял под окнами почти до темноты, пока родители не позвали его домой, но Алька так и не вышла. Напрасно мама приготовила его любимый вишневый торт. Засыпая, Игнат думал, что он самый разнесчастный человек на свете.

В деревню за дочерью Дмитрий приехал не один, с другом. Оба рослые, заросшие, бородастые, мужчины парились в старой баньке, хрустели огурцами, пели песни и пили водку за ВДВ. Много водки за ВДВ и своих ребят. Сашка не знала, где каждое лето бывал ее отец, но он неизменно возвращался с деньгами. Быстро спускал их на подруг и друзей, и все же помнил о дочери. Как умел, помнил о том, что нужно заплатить за жилье и Саньке кой-чего прикупить к школе. На это кой-чего обычно оставался мизер, но Сашка не жаловалась – отец этого терпеть не мог.

Так и приехали втроем в город – Шевцовы домой, а друг переночевать и дальше на поезд. И снова мужчины пили и закусывали, тянули песни и курили, пока Сашка убирала дом и готовила нехитрый ужин – картошку с колбасой да помидорный салат.

В это лето она немного вытянулась и волосы отрасли, но все равно осталась худенькой, как кузнечик. «Одна кожа да кости, – сетовала тетя Нина. – Санька, ешь! Кому готовлю-то? Все свое, хозяйское. Еще пару годков и чем женихов привлекать будешь? Глазюками? – и добавляла шепотом, как будто племянник ее услышать мог: – С таким папкой побыстрее бы замуж выскочить и своим домом жить! Ох, Санька-Санька. Могла бы – забрала тебя. Так не отдаст ведь!»

Ну и подумаешь, что худая! Зато все вещи остались впору, и форму новую к школе покупать не нужно. Юбка, конечно, стала короче, и манжеты школьной блузы не закрывают косточку на запястье, но ноги стройные, стесняться нечего. А манжеты и повыше задернуть можно. Главное, что Сашка честно старалась помогать тете Нине по хозяйству, и дальняя родственница дала ей денег на бумагу и краски. Невская акварель «Белые ночи», совсем как у Пуха, пусть и не тридцать шесть цветов.

Пух. Как всегда при мысли о мальчишке в груди острыми гранями шевельнулась грусть. Сашка часто вспоминала Игната, особенно перед сном, когда оставалась одна в темной комнате деревенской избы, и картинки в памяти проступали ярче – то, как он играл ей на пианино, рассказывал истории, как улыбался на улице, все время норовя поймать за руку. Сашка сразу догадалась, что ему этого очень хочется, и не противилась. Ей нравилось чувствовать его тепло, и почему-то нисколько не было стыдно от понимания, как осторожно он сжимает ее пальцы.

Ей не хватало его, но Сашка всегда была умной девочкой и сразу поняла (еще тогда, оказавшись на лестнице), что баба Лида права. Ни к чему хорошему их дружба не приведет. Только не с такой, как она – уж лучше выскочка Маршавина. Даже страшно подумать, что стало бы с Пухом, окажись он в ее мире. В мире, где женщин называют суками, а мужчины легко решают проблемы с помощью алкоголя и силы рук. Где забота о ближнем похожа на выживание, а любовь на боль. Где нет поцелуев на ночь, теплых объятий и ласковых слов. Что стало

бы с Сашкой, доведись ей увидеть, как гаснет огонь в синих глазах, а на его место приходят разочарование и страх?.. Нет, уж лучше обида и мудрая опека родителей. А притяжение между ними однажды пройдет. Это просто ошибка, что оно все никак не проходит.

«Мне все равно», – сказал Пух. Глупый. Ей, Сашке, не все равно, и этого достаточно, чтобы решить за них двоих.

К концу года Савин уже не был тем пухляшом, каким пришел в их класс, и все же так и остался милым и застенчивым мальчишкой. Щеки спали, и Вероника Маршавина больше не дразнила соседа по парте толстяком. Да и вообще никак не дразнила. Похоже, ей нравилось соседство Игната.

Да и разве возможно, чтобы не понравилось?

Интересно, как прошло его лето? Видел ли он дельфинов? Научился ли играть на гитаре как Джимми Пейдж, ведь он так хотел.

– Санька! – грубый окрик. – Санька, сюда иди! Кому сказал, тащи мослы!

Сашка замерла в прихожей, прислушиваясь к голосам на кухне и к звукам попойки. Многие из этих звуков она научилась различать еще лет в пять.

Отец со стуком опустил рюмку на стол и обратился к другу:

– Ты, Володька, меня жизни не учи. Не надо. Я в этой жизни дерьма хлебнул столько – не выблевать. Во! По глотку! Детдом, интернат, с восемнадцати лет по горячим точкам, чего только не видел. Пока служил, жена, бл*дь, кувыркалась с кобелями, думала, живым не выберусь. Все, паскуда, красивой жизни, хотела, не интернатской. Получила! Как подобрал у дороги с голой жопой, так и выбросил. Саньку свою у чужих людей забрал, а Наташке сказал, если не отдаст – порешу! Отдала бл*дь, еще и просила не бить сильно. Документ об отказе подписала. Теперь у меня с бабами разговор короткий – не нравится, на хер! А для Сашки своей я один царь и Бог. Вот она у меня где, в кулаке вся! Говоришь, еще немного и будет нужен пацан-защитник?.. Не нужен. Я из нее вот этими руками человека вылеплю. Ни одна сволочь не обидит. Санька! Твою мать! Ты где?

Сашка вошла в кухню и остановилась. Взглянула на мужчин настороженно.

– Вован, ты видел фильм «Слепая ярость»?

– Кто ж его не видел? Конечно.

– Во-от! – Дмитрий Шевцов вздернул палец вверх, осоловело моргнув. – Это вещь! Сейчас и мы с тобой кино смотреть будем. Доча, иди сюда и полотенце неси, – пьяно прорычал. – С-сашка! – крепкий кулак грубо обрушился на стол, но девочка не вздрогнула. – Живо!

Пришлось принести. И отступить к двери, подобравшись.

Отец грузно поднялся и, шатаясь, встал горой у стены.

– Смотри, Вован, – дернул Сашку за плечо к себе, не замечая ее сопротивления. – Сейчас моя дочь тебе покажет, какой тренер у нее папка и как нужно отвечать обидчикам.

– Пап, я не хочу, – девочка попробовала возразить. – Мне нужно комнату убрать перед школой.

– А тебя никто не спрашивал. Рот закрой и полотенце давай!

Отдала. Отец набросил его на глаза, повязал вокруг головы дочери, туго стянув на затылке узлом вместе с длинными прядями волос. Раскрутил за плечи. Гаркнул где-то над головой Сашки, пока она пыталась поймать равновесие, вскинув руки и цепко вжимая в пол пальцы босых ног:

– Бей!

– Я не могу...

– Громче!

– Я не хочу!

– Слушай, Дим, – с тревогой и растерянностью в голосе отозвался со своего места гость, даже рюмку отставил. – Перестань. Хорошо травить девчонку. Ну, выпили, ну, брякнул лишнего. Она-то тут причем? Зачем ей твое дерьмо? Соплюха ведь совсем.

– Мое дело! – Шевцов холодно остановил друга рыком. – Здесь решаю я! Ты, Вован, из интерната не сбегал и не знаешь, что такое улица. Она таких соплюх любит. Сегодня папка есть, а завтра нет. Хочу знать, что ее никто не обидит. Ну, бей, Санька, кому сказал! Думаешь, если рылом вышла, так тебе в этой жизни бояться некого?

– Пап, я...

Злая пятерня обхватила скулы, оборвав девочку на полуслове, и отшвырнула назад. Ладонь опустилась на лицо пощечиной, – ударив еще не больно, но при чужаке наказание ослепило. Обожгло стыдом, вскипятило кровь и поползло по груди и шее красными пятнами. Дыхание вмиг порвалось, вырываясь из легких ошметками.

– Ну, давай, рохля, реви! Ревь, твою мать, если не можешь ударить! Что тебе там Нинка наобещала? Чего на дорожку дала? Небось, деньги на кисти из крысиных хвостов и краски?.. Хрен тебе, а не краски! Увижу, что купила – в глотку засуну, а из жопы вытяну!

Сашка замерла, чувствуя, как пальцы сжимаются в кулаки и дрожат ноги.

– Последний раз предупреждаю, Санька, – прошепел змеем отец. – Ты меня знаешь. Не ударишь ты – ударю я. А деньги отниму и пропью.

– Нет!

Еще одна пощечина, уже сильнее, снова откинула назад. Голова невольно мотнулась в сторону, но ноги удержали. Сильные руки схватили за плечи и встряхнули.

– Еще как да. Ну давай, врежь! Защити свое! И смотри, не промажь. Считай, что у тебя есть одна попытка, а потом...

Отец не успел всего на долю секунды. Сашка ударила ногой в колено, пяткой в самую чашечку, и только потом в пах и в живот. Понимала, что до оскаленных в бороде зубов не дотянется, а не то бы попыталась выбить. Сорвала с волос полотенце и швырнула отцу в лицо. Он прав: могла бы, плюнула. А так просто замерла, тяжело дыша. Волосы рассыпались по плечам, слезы душили, но реветь себе запретила, и взгляда не отвела. Знала, что от насмешек будет только хуже.

– Твою мать, Шевцов, да ты рехнулся! – отозвался гость от стола с хмельным восторгом. Куда подевались его растерянность и тревога, Качнулся вперед, рассматривая Сашку. – Я до последнего не верил, что сможет. Но какой характер и скорость. Ты кого из дочери собрался вырастить? – засмеялся. – Ниндзя?.. Черт, поверить, не могу. А на мордашку – сущий ангел, не то что ты – псих. Красивая девчонка растет.

– Тощая. Только зря все лето у Нинки просидела – одна кожа да кости. А бабы все суки попадают, хоть бы одна откормила, – отец подошел к дочери и прижал девочку к груди. Встрепал пятерней волосы, такие же густые, как у него, но светлее и мягче. – Ну, все, Санька, все. Иди в свою комнату! – подтолкнул дочь под спину. – И не переживай. купишь себе, чего там тебе тетка дала. Отнимать не стану.

Мужчина подошел к столу и тяжело опустился на табурет. Закурил сигарету, в глубокой затылке почти сразу ссыпав пепел на клеенку. Отвернулся, словно забыл о дочери. А Сашка не сразу очнулась. Все стояла и смотрела на отца.

– Иди, Санька, кому сказал! – рявкнул Шевцов, не выдержав на себе прямой взгляд. Обернулся к гостю, вскидывая над рюмками бутылку водки: – Давай, Володька, накатим еще по одной! Кто знает, когда увидимся.

Отец не остановил. Едва ли услышал, как она вышла из квартиры и прикрыла за собой дверь. Поднялась на последний этаж медленно, не спеша, в сонной тишине дома перебирая

ступени босыми ногами. Тенью скользнула вдоль стен и так же тихо, как призрак, юркнула в люк и взобралась на крышу. Дышать сразу стало легче.

Звезды светили яркие. Большие. Далекие. Мерцали в ночи особым огнем множества созвездий – вечные и невозмутимые. Еще по-летнему высокое небо манило, и Сашка вскинула голову, распахнула глаза, вглядываясь в его бездонную глубину. С чем бы она сюда ни приходила, в этой глубине все бренное всегда растворялось и исчезало, стиралось из памяти Вселенной, словно на секундных стрелках времени никогда не существовало ни ее, ни отца, никого. Только звезды и небо. Рождение сверхновой и россыпь бескрайних галактик. Остальное рисует воображение.

Девочка бесстрашно подошла к краю крыши и раскинула руки. Ветер словно только этого ждал, подхватил ее волосы, заиграл прядями... Чайка. Она Чайка. Сашка закрыла глаза и представила море, которое никогда не видела – синее и бескрайнее. Вот оно, разлилось за горизонт и волнуется под ней – живое, могучее. Перекатывает волны с пенными бурунами, разбивает их о скалы или выплескивает на берег, и они растекаются по камням сварливым шелестом. Отползают с выдохом, перекачивают прибрежный песок и гальку, оставляя после себя пенные языки.

Шум моря способен дополнить только крик чаек, и он раздается, кажется, отовсюду – высокий и гортанный: кра-а, кра-а... Гордые головы поднимаются, расправляются бело-черные крылья, и сотни сильных и свободных птиц срываются со скалистых утесов, чтобы ринуться в морскую пучину, а после взмыть вверх. Кра-а, кра-а...

Как же хочется вскрикнуть и взлететь вместе с ними. Почувствовать на себе облако соленых брызг и пропасть в этом необъятном море черной точкой, навсегда слившись с небом. Как же хочется...

Когда через час Сашка засыпала в своей комнате, умиротворенная блеском звезд и мечтой, она думала, что она самый счастливый человек на свете. Потому что уже завтра обязательно купит лучшие краски и нарисует новый мир. Обязательно нарисует...

Ночью дверь отворилась, и Сашка вскинулась. Отец редко заходил к ней в комнату, и неясный шорох и легкий скрип вырвали девочку из сна.

– Папа?

Нет, не отец. Но Шевцов отреагировал быстро. Заткнул гостью ладонью рот и ударил под ребра. Когда мужик осел на пол, вытащил в коридор, склонился над ним и впечатал кулак в лицо – быстро и жестко, Сашка даже понять ничего не успела. Только услышала хриплое:

– Дима, твою мать... Ты что подумал?

И грубое отцовское:

– Вставай, Володька. Провожу. По дороге объясню «что».

– Папа?

– Спи, Санька! Спи! Мы уже уходим.

Она соскучилась по мальчишке, очень, но старалась не оглядываться, хотя всю дорогу к школе чувствовала за спиной его присутствие. И все же не утерпела, когда Савин прошел мимо Маршавиной и сел за последнюю парту на соседний ряд – обернулась, нашла взглядом синие глаза. Внимательно и долго всматривалась в них, в его лицо, убеждаясь, что он остался прежним, только похудел, но таким же симпатичным и милым.

– Привет, – Игнат ей улыбнулся, а Сашка заставила себя отвернуться, но сердце еще долго стучало, повторяя звук его голоса. Одно простое и короткое слово: «Привет... Привет... Привет...».

«...Ты, Ириша, подумай на досуге. Побеспокойся за сыночка-то. Я же о хороших людях тревожусь!.. Ишь ты, волчонок с курчонком...».

Почему он все время смотрит на нее? Вон как девчонки сегодня принарядились, куда там Сашке. Кира Крапивина подстриглась, Света Авдюшко робко подкрасила белесые реснички, а Вероника косы наплела с лентами, фыркнула недовольно, задрал нос, когда на вопрос учителя: «Савин, ты почему от Маршавиной пересел?», он ответил:

– Извините, Тамара Михайловна, но мне здесь удобнее. Когда я сижу близко к доске, у меня болят глаза.

– Надо же. Впервые слышу о подобном.

– Да, у меня особый случай. Последствия детской гиперметропии.

– То есть? Поясни.

– Иногда возвращается дальноркость. Но вы не волнуйтесь, врач посоветовал просто не напрягать зрение, так что мне отсюда все прекрасно видно.

Савин сказал и взглянул на Сашку упрямо – не пересядет и смотреть не перестанет. А она удивилась: когда это он стал таким разговорчивым?

В коридоре, на пути в столовую, встретился Чвырев. Увидев Шевцову, парень отошел от друзей и заступил ей дорогу, привычно ухмыляясь. За лето он вырос на полголовы и теперь возвышался над девчонкой, важно кичась ростом.

– Привет, Чайка! Давно не виделись. Спорим, ты искала меня! – сказал и засмеялся.

В эти каникулы Артур стал настоящим красавчиком, во всяком случае, так говорили взрослые подруги его брата, и ему это очень льстило.

Кто-то из девчонок постарше захихикал, заглядываясь на вдруг повзрослевшего одноклассника, и Сашка тоже посмотрела. Правда, равнодушно и холодно, с неохотой выныривая из своих мыслей. Нет, не думала. Даже не вспоминала. Ответила с ухмылкой, но честно:

– Размечтался, Чвырев. Ты для меня пустое место. Дай пройти!

Задира не обиделся. Такая перепалка с Шевцовой уже много лет была у них в порядке вещей. Ему это даже нравилось.

– У моего старшего брата есть свой гараж и мотоцикл, хочешь, вечером покажу? – неожиданно предложил. – Мы идем туда с друзьями.

– Не хочу.

– Постой, Чайка! – Чвырев остановил ее, когда Сашка уже собралась его обойти, поймав за локоть. Спросил вдруг серьезно: – Куда ты уезжаешь каждое лето? Тебя никогда нет во дворе, я знаю.

– В деревню. Доить коз и полоть огород. Могу и за курами убирать, если нужно.

– Ну ты даешь! – парнишка громко рассмеялся, словно шутке, а Игнат прислушался, даже с шага сбился. Ему тоже было очень интересно узнать куда.

Это лето оказалось самым долгим летом в его жизни. Мучительно долгим. Не проходило и дня, чтобы он не думал об Альке. Не вспоминал прохладные тонкие пальцы в своих ладонях и счастливую улыбку, которую девчонка изредка ему дарила. Потребность видеть ее сводила с ума, а соседка, однажды уехав, все не возвращалась. Мама четко дала понять сыну, что не рада этой дружбе, и Игнат закрылся в своих переживаниях от родителей. Но спасала музыка. Только наедине с ней можно было быть откровенным, мечтать и надеяться. И конечно, он давно знал причину своей тоски.

Значит, летом Алька была в деревне. Почему-то Игнат совсем не удивился этой новости и сразу понял, что девчонка не солгала. Он бы и сам с удовольствием оказался с ней в деревне. Сходил бы за грибами и на речку, и за курами бы убрал, если нужно. Он бы научился, подумаешь! Зря этот дурак Чвырев смеется. Проводить время рядом с Алькой было бы куда веселее и интереснее, чем на скучном Кипре. Он только обгорел там и все время скучал.

– Чвырев, если ты не отпустишь мою руку, я сделаю тебе больно.

– Ты? – слова худенькой Сашки прозвучали самонадеянно, и высокий парнишка захохотал. – Попробуй, Чайка! И я сломаю твои крылья! – пообещал, наступая на девчонку, но ему помешали.

Игнат и сам не понял, как оказался с обидчиком на полу. И когда тот ему разбил губу, тоже не заметил. Только почувствовал удар затылком об пол и услышал со стороны:

– Атас, географичка идет! Артур, бросай Пухлого! – и руки Чвырева его отпустили. А может, отпустить его заставила Алька, когда вдавила колено в спину старшеклассника и впи- лась пальцами в темные волосы, сжав их так сильно, что тот скривился от боли и вскрикнул:

– Чайка, дура, больно же!

– Лучше отпусти его, Чвырев! А то хуже будет!

– А тебе-то что до него?

– Не твое дело!

Всех разогнала учительница географии. Прикрикнула сурово, отправила по классам и пригрозила сообщить фамилии директору.

– Савин, ну от тебя-то я подобного не ожидала. Чвырев!

– Да это он на меня упал! Первым набросился! Мария Константиновна, честное слово!

– Савин?

– Нет. Я случайно споткнулся.

– Шевцова, ну, а ты что скажешь?

– Ничего. Я просто мимо шла.

– Ясно.

Они снова возвращались из школы вместе. Игнат догнал, а Сашка промолчала. Шли долго, не торопясь, не глядя друг на друга, но иногда касаясь плечами, и все равно дорога показалась короткой. Когда вошли в подъезд и поднялись на несколько лестничных пролетов, он вдруг позвал ее негромко:

– Аля, подожди.

Сашка остановилась, повернулась, и их глаза встретились. Она впервые за долгое время заговорила с ним так, как будто бы они снова были близкими друзьями.

– Пух, иди домой, тебя мама ждет. И лучше не жалуйся, скажи, что упал. Иначе будет только хуже. Зря ты влез, тебе с Чвыревым не справиться.

– Аля, но я хотел спросить...

Девочка упрямо качнула головой.

– Не надо. Ничего не изменилось, слышишь? Ничего. А мне пора домой.

– Но почему? Аля, почему?

Игнат шагнул вперед, а Сашка сглотнула. Если бы не стена – отступила бы, испугав- шись вдруг этой близости, когда в тишине подъезда их разделял один шаг. Сейчас она бы тоже очень хотела знать: «Почему?» Почему вместо того, чтобы уйти, она ощущает в горле странную горечь? Они ведь еще дети, откуда взялось это щемящее душу чувство, как будто на пороге встречи им вновь нужно расстаться.

– Сам знаешь. Потому что я – это я. А ты – это ты.

– Глупости! И что? Какая разница?

– Большая. Они так не думают, – неопределенно сказала Сашка. – И я тоже.

Эти двое еще не все договаривали и не все понимали. Не смели, не знали слов, заполняя паузы молчаливыми взглядами. Но потребность объясниться была, и это тоже казалось странным.

Сашка отвернулась первой и стала подниматься по лестнице, но Игнат догнал.

– Аля, подожди! Пожалуйста, возьми! – раскрыв рюкзак, достал и сунул ей в руки простую картонную коробку, размером вдвое меньше тетрадного листа. – Это тебе.

– Что это? Зачем?

– Сувенир. Просто так.

– Что? – изумленно выдохнула Сашка, но Игнат уже сбежал вниз, испугавшись, что она передумает взять подарок.

– Аля, только не открывай сейчас, – попросил, – дома посмотришь. Если прислушаться, то она шумит.

– Постой, Пух!

Он спустился на этаж, но, конечно, смотрел на нее.

– Скажи, а ты... Ты научился играть на гитаре? Хотя немного, как хотел?

Игнат улыбнулся, и ямочки на щеках ожили. При взгляде на них у Сашки радостно встрепенулась душа.

– Да! Конечно, я еще не все умею, и многому предстоит научиться, но я стараюсь. И даже песню придумал! Если хочешь, я мог бы тебе сыграть.

Он мог бы ей сыграть...

Сашка вдруг помрачнела и отпрянула от перил. Отвернувшись, быстро направилась к своей квартире.

– Пока, Савин. И не жди меня завтра утром! Все равно с тобой в школу не пойду!

А ночью отца снова мучил кошмар. Это случалось нечасто, они были в доме одни, и Сашка поспешила на помощь.

Шевцов был пьян и метался по полу. То ли полз, а то ли катался – в полутьме отцовской спальни она так и не поняла, только слышала хриплые стоны и короткие выкрики. Это могло продлиться до утра и напугать соседей, и Сашка включила свет, склонилась над мужчиной и затормозила его, повторяя громким шепотом:

– Пап! Пап, проснись! Пожалуйста, проснись! Ты громко разговариваешь, так нельзя!

Крепкая лапища взлетела от пола и обхватила тощую Сашкину шею. Глаза так и не открылись.

– Сука! Убью! Задавлю, гниду! Весь десант положили, а спросить не с кого! Кто за них ответит, кто?.. Убью!

Это произошло не впервые, пальцы на шее сомкнулись, и Сашка ударила отца в лицо так, как он учил – прямым ударом, со всей силы своих тонких рук. Из носа потекла кровь, но мужчина очнулся. Глянул осоловело...

– Санька?

– Я, пап.

– Исчезни, пока не придушил, – прохрипел и затих, упав лицом в пол. – Сейчас приду в норму.

Придет, Сашка не сомневалась. Всегда приходил. Главное, что приступ уже прошел. Пролежит так час или два, а может быть, до утра, выпьет две кружки крепкого чая, примет ледяной душ и пойдет на работу.

Девочка встала и выключила свет. Набросила на отца плед. Ее рукам было по силам остановить его, но не по силам поднять взрослого мужчину и уложить в постель.

Она вернулась в свою комнату и прикрыла дверь. Ночь была глубокой и тихой, спать не хотелось. Сашка подошла к столу и включила настольную лампу. Когда свет зажегся, медленно

опустилась на стул и протянула руку к небольшой картонной коробке. Придвинула ее ближе и еще с минуту смотрела, поглаживая крышку пальцами, не решаясь открыть.

Она уже знала, что там – посмотрела, как только принесла подарок в дом и осталась одна, но именно потому что знала, открывала коробку сейчас особенно осторожно, запоминая ощущения с затаенным дыханием. Только оставшись наедине с собой, смея себя спросить: «Неужели это и правда все для нее? Для Сашки?»

В коробке лежала морская ракушка рапаны размером с небольшое яблоко, очень гладкая и красивая. Наверняка Пух привез ее с самого настоящего моря. А еще конфеты. Ее любимые, те, которыми Игнат угощал, когда она была у него в гостях. И пусть она не запомнила их названия, это были они – конфеты из вкуснейшего черного шоколада в алой фольге, которые однажды Сашке так понравились. Она достала их и выложила на чистый лист бумаги, посмотрела, как красиво белизна оттенила алое золото обертки, но так и не притронулась. Позже снова все сложила в коробок и спрятала, чтобы следующей ночью вновь открыть.

В руке осталась подвеска из белого металла в форме крыльев, висящая на тонком кожаном шнурке. Сашка не сразу решила ее надеть. Все смотрела и смотрела, положив на ладонь, в свете настольной лампы, удивляясь простой красоте. Даже не догадываясь, что изучая ее пальцами, улыбается.

На следующий день Сашка получила от судьбы еще один подарок и улыбка померкла.

Вернувшись вечером с работы, отец был трезв и необычно спокоен. Он принес в дом щит, сбитый из свежих сосновых досок и новый врезной замок. Провозившись допоздна со стамеской и молотком, поставил его на дверь Сашкиной спальни, молча поужинал и позвал дочь к себе.

– Когда в доме чужие, а я пьян, запирайся, Санька. Поняла? Даже если бабы.

– Да.

– А сейчас держи. Пора научиться постоять за себя самостоятельно, без папки. Скорость у тебя есть, а силы всегда будет не хватать, в отличие от уродов. Я не хочу, чтобы мою дочь однажды обидели.

Шевцов вручил дочери нож, финку, и объяснил, что такое финский хват. Теперь по вечерам у Сашки появилось новое занятие – метать нож в сосновый щит из разных положений рук и стоек ног. Сашка подозревала, что отец сошел с ума. Видела в его темных глазах тот самый отблеск огня безумия, что, однажды вспыхнув, не погаснет, пока не сожжет человека дотла, но понимала, что спорить бесполезно. Он действительно был ее царь и Бог.

Следующие два месяца отец не пил вообще и не приводил в дом женщин, оттачивая мастерство дочери с упорством одержимого идеей учителя. Снова и снова заставляя свою способную дочь-ученицу брать в руки нож и находить цель. Двое сумасшедших, запертых в стенах их безумного мира, они жили своей жизнью, готовясь к неизвестной войне. Двое опасных дикарей в запертой изнутри клетке – волк и его волчонок.

Нет, люди не ошибаются, когда стремятся держаться от таких изгоев подальше. Они чувствуют их кожей и отгораживаются частоколом. Дети – продолжение своих родителей, отражение их чаяний и надежд. Какие надежды отца могла воплотить в этой жизни Сашка? Не дать себя обидеть? Острый ум девочки быстро раскладывал все по местам и внутренний свет мерк. Мир ярких красок и белоснежных единорогов тускнел под серыми лоскутами действительности.

В это время Сашка не могла ни на кого смотреть, ни на хорошеющих с каждым днем девочек-одноклассниц – милых и симпатичных хохотушек, все больше засматривающихся

на мальчишек, ни на Игната. Особенно на него. Он тоже менялся. Чем темнее становилась Сашка, тем светлее Пух. К нему тянулись, хотели внимания. Он больше не был новеньким в классе, он стал своим. В этом мальчишке жил свет, способный притягивать души, и это тоже чувствовалось кожей. Спасением стала учеба, а еще окно классной комнаты, в которое девочка могла глядеть часами во время скучных уроков, замкнувшись в себе. А где-то совсем рядом звонко хохотала Ника Маршавина, играя в голосе кокетливыми нотками просыпающейся женственности. Уж лучше бы Пух вернулся к ней за парту. Или обратил внимание на Крапивину. Почему он до сих пор сидит один?

Когда у Сашки стало получаться, отец наконец успокоился. Отобрал старую финку и подарил настоящий нож – черный, тонкий, с длинным выкидным лезвием. Совсем непохожий на его армейский нож, который она не раз видела – широкий, с массивной рукоятью и с иззубренным, усеченным лезвием, спрятанный в потертом чехле.

– Это тебе, Сашка, не китайская подделка. Дорогой боевой трофеей. Если нужно – тактическое оружие. Вот этот шрам под шеей на ключице – от него, а больше тебе знать не положено. Вороненая сталь, фронтальный выброс клинка, мощная пружина и надежный предохранитель. Такой нож не каждый себе может позволить. А по зубам он единицам. Здесь механизм работает как мысль. Выброс лезвия происходит мгновенно. Будь осторожной и приучи к нему руку. А бить я тебя научу...

– Пап, я устала. Мне не хочется...

– Да кто тебя спрашивает! – привычный рык Шевцова, и сильные пальцы больно сжали хрупкое плечо, притянув девочку ближе под острый взгляд темных отцовских глаз. – А выть от бессилия – хочется?! Реветь, что не сдохла?! Узнать, что такое слабость и унижение, хочется? Думаешь, такого, как Володька, остановят твои зубы или крик? Или надеешься, что папка всегда будет рядом?.. Запомни: ты ничто против грубой силы. Тряпка! Но даже тряпка может ответить, сыграв на видимой слабости, если ее не застать врасплох.

Сашка не была бы дочерью своего отца, если бы не процедила в ответ сквозь зубы, вырвавшись их хватки:

– Я не мальчишка! Я тебе не мальчишка, ясно! – выкрикнула скорее душой, а не голосом, и затихла, сжавшись в стальной комок.

Шевцов рванул дочь за шкирку, и толкнул к зеркалу. Грубой рукой запрокинул вверх точеный подбородок. Вырос горой за спиной, заставляя ее смотреть на свое отражение. В эти дни он был особенно безумен и собран. Натянут, как сухой сук, который вот-вот лопнет под порывом сильного ветра. Таким отца Сашка видела редко и знала, что сейчас он настоящий.

Лучше бы выпил. Сашка как умела, молила о том Бога. Им бы обоим стало легче. Или подругу себе привел. Да, лучше женщину. Тогда бы он наверняка смог забыться и оставить ее в покое.

– Посмотри на себя, Санька. Хорошенько посмотри! Когда-то я учил тебя всегда смотреть в глаза и не реветь. Ты усвоила урок. Думаешь, этот урок был нужен мне? Думаешь, слабая ты нужна этой жизни?.. Эта сука тебя проглотит, переварит и выхаркнет. Потому что мы для нее никто. Пыль! И все же у тебя есть перед ней одно преимущество. Что ты видишь в своих глазах? Говори!

Сашка уставилась в зеркало. Окинула хмурым взглядом невысокую, худенькую девочку с непроницаемым лицом, на котором не отражались чувства. Скорее всего, именно таким был Кай, когда его сердце превратила в кусок льда злая Снежная Королева.

– Ничего.

Шевцов засмеялся. В отличие от Сашки, в его мыслях и сердце никогда не было места сказке. Он бы мог много чего рассказать ей о силе духа и человеческой слабости. О тех, кто ломался сам, и кого ломали. Сейчас, глядя в серые глаза своей дочери, смотрящие на него прицельно, он был доволен.

– Нет, ты не мальчишка, Санька. Будь ты мальчишкой, я бы научил тебя зубами защищать свое, как научили меня. А я учу тебя защищаться. Улавливаешь разницу?

– Да.

– Громче!

– Да, пап!

– Хорошо. Ты родилась умной и сильной, Санька. Я бы ни на одного пацана тебя не променял. Не дай себя обидеть ни одной сволочи. Ты меня поняла?!

– Да!

– А сейчас хватит тарашиться. Иди на кухню! Молока, что ли, выпей. Плечи совсем тощие...

Ночью Сашка снова поднялась на крышу. Долго стояла на краю под порывистым ветром, набросив на плечи плед, глядя перед собой в пустоту. Небо, словно зная, что девочке не до звезд, спрятало их под низким сводом, затянув город плотной пеленой облаков. Было так темно и тихо, что Сашке казалось, ступи она дальше, эта плотная темнота легко удержит ее высоко над землей.

Она шагнула вперед, закрыла глаза и вдохнула воздух полной грудью. Холодный и колкий, он тут же обжег легкие, и Сашка с шумом выдохнула. Отступила, повесив голову, когда непослушные пальцы нашли и сжали подвеску на груди.

Черт Пух!

– Аля!

– Не называй меня так, Савин.

– Саша, постой...

– Чего тебе?

Он догнал ее у дверей городской библиотеки и окликнул. Значит, снова шел следом.

– Можно с тобой? – спросил, взбегая по ступенькам.

– Нет.

– А я все равно пойду, – ответил неожиданно упрямо. – Мне нужны ноты для гитары. Вдруг здесь есть нотный архив?

Когда просидели больше часа за разными столами в читальном зале, прошли по улице и подошли к дому. Сашка холодно сказала вместо прощания:

– Нашел свои ноты?

– Нашел.

– Вот и хорошо. Больше, Савин, за мной не ходи!

– Аля!

– Я же просила не называть меня так.

– Саша, подожди.

– Ну, чего тебе, Савин?

Было первое января, под ногами хрустел снег, а дома ждал пьяный отец с новой подругой. Сашка возвращалась из магазина с булкой хлеба в руках и бутылкой водки в пакете, когда Игнат встретил ее во дворе дома – хорошо одетый домашний мальчишка, милый и симпатичный, как никто другой.

– С Новым годом, Шевцова! – улыбнулся, подбежав, и девчонка остановилась. – Саша, – сказал без смущения, – пойдем в кино? Я тебя все утро жду.

Что? Сашка не сразу нашлась, что ответить.

– Ты с ума сошел, Савин? – спросила удивленно, но надежда неожиданно толкнулась в грудь, и глаза распахнулись.

– Ни капли! Пойдем! Сегодня праздник, а впереди каникулы! А хочешь, просто в парке погуляем? Там наверняка здорово! Смотри, сколько снега навалило!

Снегу нападало вдоволь, солнце стояло необычно высокое для зимы, и глаза мальчишки в окружающей белизне казались синими-синими.

Из подъезда вывалился отец. Вышел, пьяно пошатываясь, закурил, уставившись на парочку – широкоплечий и взлохмаченный после ночной попойки с друзьями. Малопрятный тип с заметной щетиной на лице, от которого точно следует держаться подальше.

Игнат перевел взгляд на мужчину, и Сашка оглянулась. Заметив растерянность в лице мальчишки, повернулась, инстинктивно закрыв его собой.

Шевцов затянулся сигаретным дымом и сощурил темные глаза: неужели спяну показалось? Сунув руку в карман куртки, медленно подошел к подросткам, пристально рассматривая Игната.

– Это кто такой? – бесцветно спросил у Сашки.

– Одноклассник.

– Чего хочет?

– Время узнать.

– Сказала?

– Нет. У меня нет часов.

– Логично.

От отца пахло спиртным, знакомо веяло опасной силой и неблагополучием, и щеки Сашки покраснели.

– Ты слышал? – мужчина обратился к Игнату, стоящему позади дочери. – Она не знает, который час. Иди себе, парень, куда шел. А ты, Санька, марш домой! – грубо распорядился. – Отнеси на стол то, за чем тебя послали!

Он очень удивился, когда Сашка тихо, но упрямо возразила.

– Нет. Сначала ты иди, пап. Я сейчас приду.

Смотреть на Игната не стала – смотрела в лицо отцу. Девочка и так почувствовала напряжение в мальчишке, чтобы еще увидеть и разочарование в его глазах. Она не оглянулась и ничего не сказала, когда через минуту ушла вслед за родителем, оставив Игната одного стоять и смотреть ей в след.

Кино? Надо же, и как только придумал? Нашел компанию! Да и в чем идти? В своей курточке и шапке Сашка и сама выглядела как мальчишка. Разве с такими девчонками в кино ходят?

Если раньше не понимал, то сегодня наверняка поймет, что с ней дружить нельзя. Не с такой, как она – дочерью своего отца. Но при мысли о том, что Савин больше никогда не позовет ее по имени, сердце у Сашки грустно сжалось. И все-таки так будет лучше. Ведь лучше же? Люди не могут ошибаться?

Нет, они не пошли в кино и не пошли в парк. В эти каникулы девочка одна гуляла по улицам города и рисовала, и хорошо, что никто не видел ее рисунков. Монстры на них оживали, были как настоящие. Они прятались в щелях и носили маски – такие же страшные и одинокие создания в человеческом мире, как она.

Пролетела зима, заканчивалась весна. Девочка за соседней партой оставалась такой же неразговорчивой, спокойной и холодной. Игнат мог сколько угодно ходить за ней, она его совсем не замечала. Иногда просто исчезала, срываясь на бег, и всегда отводила взгляд, когда они оказывались рядом.

Игнату нравилось ее рассматривать. Прямую спину и склоненный к тетради тонкий профиль с нежной, но гордой линией подбородка. Аккуратное ухо, за которое она заправляла длинные прядки волос, когда они выбивались из хвоста. Он легко мог воссоздать в памяти

любую черточку ее лица. Упрямо сжатые губы, которые умели улыбаться так, что замирало сердце. Нос с едва заметной россыпью веснушек. Глубокие и умные серые глаза – обычно с холодной льдинкой, а иногда, когда она смотрела на него, с мягкой зеленью. Он помнил. Пусть он не видел ее дома, но он видел Сашку в школе и был этому рад. И у него никак не получалось ее забыть. Никак.

– ...Ваня, надо что-то делать. Меня беспокоит эта соседская девочка. Игнат все время ее высматривает, торчит в окне пугалом. Мне кажется, что она ему нравится. Я уже не раз пробовала с ним говорить, пыталась объяснить, что это знакомство для него нежелательно и мы разные люди, но наш сын меня не слышит! Совсем!

– И что?

– Как, что! Она же неблагополучная! Бегаёт как сорванец, глядит букой. Не поздоровается никогда! Еще и семья неполная, отец один воспитывает. Господи! Ты видел этого родителя? Алкоголик! Кого он может вырастить и что дать ребенку? Мало того, что сам не просыхает, так еще и новых подруг каждую неделю к себе приводит. Соседи не слепые, врать не станут. Не удивлюсь, если у них там настоящий притон! И ты хочешь, чтобы наш Игнат знался с подобными людьми? Да как они вообще оказались в приличном доме, понять не могу! Что наш сын нашел в этой Саше?

Игнат услышал, как его отец рассмеялся.

– Ира, перестань. И хватит уже слушать соседей! Ты что нашего Игната женить собралась? Новая школа, симпатичная девочка, новизна впечатлений. Как пришла влюбленность, так и уйдет, не сомневайся! Все это временно! Сколько их еще будет у него, этих Сашек-Машек. Вот помянешь мои слова – собьемся со счета! Кто не влюблялся в тринадцать лет в соседскую девчонку или мальчишку? Вспомни себя и перестань зазря растрчивать нервные клетки. Ну смотрит, и что? Мальчишка нормально развивается и это главное.

– Ой, Ваня, я все равно переживаю. Может, все же стоит сходить к этому Шевцову и поговорить? Как-то оградить сына от его дочери, предупредить. Должен же найтись какой-то веский аргумент, чтобы он нас услышал?

Игнат не выдержал и показался на кухне. Взглянул на родителей с упреком.

– Не нужно куда идти, слышите! Она со мной и так не общается. Совсем! И не замечает...

И правда, Сашка очень старательно не замечала Савина, но учительница географии подошла к вопросу с домашним проектом на выходные обстоятельно и практично, и разделила учеников на пары, руководствуясь личными соображениями и адресами в классном журнале. Двое одиночек за последними партами оказались соседями, так почему бы не объединить их усилия? Идея преподавателю понравилась, и Савин с Шевцовой неожиданно получили задание нарисовать несуществующий континент и составить к нему политическую карту с вымышленными странами и названиями.

Они вышли из школы и остановились. Теперь у них появилась общая цель, и можно было говорить.

– Если хочешь, Савин, я одна карту нарисую. А учительнице скажу, что мы вместе над ней работали.

– Нет, не хочу. Сказано же, что задание для двоих.

– Значит, ты хочешь его сделать со мной? Ты точно решил? – Сашка посмотрела на Игната, и он уверенно кивнул.

– Да, очень хочу. Я думаю, нам надо пойти в библиотеку. Я ничего не понимаю в картах.

Но библиотека оказалась закрыта по уважительной причине, а Игнату очень не хотелось расставаться с Сашкой. Когда они, немного растерянные, вместе подошли к дому, он набрался смелости предложить:

– Саша, давай пойдем ко мне – у меня есть компьютер. Мои родители не будут против. Я объясню им, что это школьное задание...

Девочка отрицательно мотнула головой.

– Нет. Он мне не нужен, я смогу нарисовать. Но уже поздно, Савин. Разве тебе не пора в музыкальную школу?

Игнат удивился, но признался, взглянув на наручные часы:

– Да. Если честно, то у меня совсем скоро урок сольфеджио.

– Тогда до завтра, Савин. Я не пойду к тебе, но есть одно место, – сказала Сашка. – Я буду ждать тебя завтра в десять на последнем этаже. Захвати с собой карандаши. И лучше соври что-нибудь родителям, – негромко добавила. – Я не стану перед ними оправдываться, если они узнают, куда я тебя привела.

Они встретились субботним утром и поднялись на крышу. У Игната от восторга захватило дух. А может, дух захватило от солнца, свободы и того, что они с Сашкой вдруг оказались одни в целом мире. Была середина мая, день выдался теплым, девочка взяла с собой альбом, покрывало и большую книгу, чтобы на ней было удобно рисовать.

– Пух, – попросила серьезно, – не отходи от меня, и все будет хорошо. Ладно?

Они сели рядом и Игнат пропал.

На солнце в каштановых волосах Альки играло золото. Легкие пряди, подхваченные теплым ветерком, касались молочных щек и нежных губ. Она что-то говорила, объясняла. Молчаливая в жизни, кажется, Сашка вдруг почувствовала потребность говорить. Он слушал звук ее голоса, пока она рисовала, и смотрел на профиль, почти ничего не понимая из сказанных слов. Тоска, которая все это время в нем жила, отступила, в душе забурилась радость и потекла по венам. Кольнула в кончики пальцев от мысли, что девочка рядом. С ним. Игнат вдруг со страхом подумал о том, что совсем скоро наступит лето, и она снова уедет. Исчезнет чайкой на горизонте, и он еще нескоро ее увидит и вновь будет ждать.

Пальцы Игната дрогнули и потянулись к Сашке. Неуверенно скользнув по пледу, легли на хрупкую стройную лодыжку.

Они оба замерли, забыв, как дышать.

У Сашки не поднимались глаза, у Игната тоже. И все же мальчишка не убрал руки, а может, не смог. Какое-то время оба молчали.

Сашка отозвалась очень тихо, чувствуя, как бьется сердце и горят щеки:

– Пух, что ты делаешь?

Сердце Игната билось так же сильно, словно это было то самое мгновение, когда его наполняла жизнь.

– Аля, я... Я люблю тебя, – внезапно сказал мальчишка и вдруг почувствовал, как легко стало на душе. И совсем не стыдно. Потому что слова, сорвавшиеся с губ, оказались настоящими, такими же правдивыми, как его чувство.

Сашка молчала, а потом покачала головой.

– Нет.

– Да! – Игнат ответил очень твердо и уверенно, и все же им не хватило смелости взглянуть друг другу в глаза. – Я давно это знаю.

– Нет, ты не понимаешь. Ты не можешь меня любить, – возразила девочка. – Не меня.

– Но я люблю. Когда-нибудь я вырасту и заберу тебя от него. От всех заберу!

Счастье в Игнате хотело петь и смеяться, но он не смог. И Сашка не смогла. Только вздохнула и ответила, проглотив ком в горле:

– Дурак ты, Пух.

Школьный проект по географии – нарисовать карту несуществующего континента с реками и озерами, морями и странами. Сложная задачка для двоих школьников, проводших выходные на крыше. И все же чувства их оказались сложнее. Куда сильнее тех чувств, о которых порой догадываются взрослые.

Учительнице географии так понравилась работа ее учеников за последней партой, что она решила позвонить их родителям и похвалить детей. Телефон Шевцовых не отвечал, зато Савины откликнулись сразу. Они очень удивились, узнав, с кем их сын провел выходные дни.

Два года спустя

Начало старшей школы. Майский бал

Тамаре Михайловне всегда казалось, что она понимает людей. Педагог со стажем, она доверяла внутреннему чутью и искренне полагала, что можно подобрать подход к любому ребенку, если изначально уважать в нем человека и убедительно расположить к себе. Но Саша Шевцова заставляла сомневаться в собственных представлениях о влиянии общества и семьи на личность даже уверенную в своем опыте женщину.

Необычный ребенок. Умный. Сообразительный. Способный. Закрытый и в то же время пугающий внутренней степенью свободы, угадывающейся в нем и способной заставить человека совершить что угодно. Абсолютно все. В ее нарочито спокойной походке, без лишней порывистости, свойственной подросткам, чувствовалась скрытая сила. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего взгляда или слова. Как будто сама земля держала ее, расчищая путь. Хрупкая девчонка со стальным стержнем.

Ребенок пьющего родителя. Бывает же.

Прошло два года с тех пор, как у Тамары Михайловны состоялся первый разговор с четой Савиных. От них она и узнала, почему Шевцов не приходит на родительские собрания, и по какой причине они глубоко обеспокоены дружбой сына с дочерью соседа. Тамара Михайловна тогда попыталась успокоить семейную пару и обелить свою ученицу, но тщетно. Игнат не сознался, куда сбежал из дома в выходные, и с Сашкой пришлось поговорить. И все же душу женщины грело то, что природе было плевать на мнения людей и условности. Лишив девочку матери, оставив без уважения, она вложила в нее ум и характер и не поскупилась на красоту.

И вот опять эти две семьи стояли в кабинете директора. По одну сторону холодная, будто неживая Сашка с отцом, по другую – родители Савина. Сам Игнат находился в школьном медпункте, где сердобольная фельдшер оказывала ему первую медицинскую помощь. Сказав, что Шевцова ни при чем, он отказался разговаривать с родителями. Еще одного паренька сразу же после конфликта увезла в больницу скорая помощь.

Сашка и сама не знала зачем пришла на Майский бал. Все обещало быть скучным и предсказуемым – вечер, танцы, нарядные девчонки и парни, смелые старшеклассники. Все это было ей неинтересно, кроме одного. На этом школьном балу со сцены впервые должен был спеть и сыграть на гитаре Игнат Савин, а ей очень хотелось его услышать. Очень.

Платье с новой подругой отца они купили самое простое – светлое, чуть выше колен и ладно, и туфли-лодочки без каблука. Волосы у Сашки отрасли до талии, густые и шелковые, на дорогие укладки все равно денег не оказалось, ну и плевать. Сегодня она могла смотреть на Игната вместе со всеми, не прикрываясь равнодушием, а большего Сашке и не хотелось. В конце концов, с танцев всегда можно уйти.

Вот только почему не ушла?

Символически отзвенел последний звонок учебного года, и зал наполнился магией вечера. Выступила ведущая – хорошенькая девчонка-старшеклассница, мальчишки из десяти показали смешные сценки. Кто-то прочитал рэп – с ломким мальчишеским криком, не очень удачно, и по залу прокатились смешки. Всем было весело, но когда на сцене появился Игнат с гитарой, школьникам стало по-настоящему интересно.

Он научился играть. Не соврал. Не просто рубить аккорды, а нежно перебирать струны пальцами, давая слово каждой ноте, извлекая их из гитары без видимых усилий и облекая в звуки. За эти три года его мечта осуществилась, и Сашка от восторга вместе со всеми затаила дыхание, услышав его голос. Он оказался таким же красивым и чистым, как сердце Пуха.

Игнат спел три песни вместо одной. Первую, смущаясь, пел, уставившись в пол, а две последние – глядя на Сашку. Просто нашел в толпе ее глаза и больше не отпустил.

– Что он тянет, как кот за яйца? – отозвался за спиной Чвырев, и девчонка недовольно цыкнула:

– Заткнись! Тебе так никогда не спеть.

– А ты что, Чайка, влюбилась? В этого придурка?

– Сам ты придурок! Отвали, Чвырев! Надоел...

В конце своего выступления Савин улыбнулся, и губы Сашки тоже дрогнули в ответной улыбке, увидев на смуглых щеках знакомые ямочки. Девчонки стояли нарядные, Игнат был хорошо одетым симпатичным пареньком, уже давно не пухляшом, и после игры на гитаре с него не сводили восхищенных глаз.

У Сашки в груди вдруг защемило, в душе разлилось чувство гордости за Пуха. Она всегда знала, что он самый лучший, а теперь это смогли увидеть и другие.

Начались танцы, и в зале притушили свет. Сашка танцевать не собиралась. Она вообще думала уйти и просто стояла в толпе девчонок, слушая их веселый лепет, пока ее не нашел Игнат. Два года – слишком большой срок, чтобы по-настоящему соскучиться по человеку и хоть на короткое время забыть о слове «нельзя». В этот вечер они решились о нем забыть.

*Сашка и сама не поняла, как вслед за взглядами встретились руки.
И снова не было смущения. Только желание и удивление, что они рядом.
Необычно близко, лицом к лицу. Но танец закончился, а руки, встретившись,
так и не расцепились.*

Они, не сговариваясь, вышли из зала и оказались на заднем дворе школы. Уже успели сгуститься первые сумерки, звуки музыки и близость друг к другу приятно кружили голову. Двое подростков потянулись один к другому и вслед за руками неожиданно встретились губы – юные и несмелые. Сначала соприкоснулись осторожно, словно пробуя вкус поцелуя, запоминая обоюдное дыхание, чувство радости и трепет в сердцах, и только распробовав, ощутив, что хочется большего, решились на это большее, теснее прижавшись телами.

Что говорить, не знали. Кажется, звук ее имени – Алька – объяснял все. А еще руки на тонкой талии почти обжигали, и хотелось пробовать губы друг друга снова и снова. У Игната опьянело сознание и ушла из-под ног земля. Полные нежные губы Сашки оказались сладкими, волосы шелковыми, а ладони на его плечах горячими.

– Спой мне, Пух, пожалуйста, – вдруг попросила она.

И он спел. Тихо, на ухо, прижав девчонку к себе.

– Тебе обязательно нужно петь. Я думаю, голос – это самое волшебное, что в тебе есть, – призналась Сашка. – Ты должен делиться этим волшебством с другими, понимаешь?

Вместо ответа он снова поцеловал ее. Не мог не целовать. Она сама была музыкой для него.

– Ты скоро снова уедешь, да? – спросил.

– Да. Завтра.

– Ненавижу лето. Ненавижу, когда не вижу тебя! Я буду ждать...

– Я тоже.

– Алька, почему? Кому мы делаем плохо? – он осмелел и обнял ее, прижал к себе сильнее, так, как хотелось, пряча лицо в мягких волосах. – Если бы я мог, то никуда бы тебя не отпустил!

Сашка понимала, но отвечать не стала. Не хотелось сейчас ни о чем думать. Особенно о том, что ей, возможно, совсем не место возле него.

Игнат неохотно отстранился.

– Подожди, я сейчас заберу гитару, и мы уйдем. Хорошо? Не хочу быть здесь.

– Хорошо.

– Я быстро!

Когда Игнат не появился через пять минут, словно что-то почувствовав, Сашка сорвалась с места и влетела в школу. Они избили его в коридоре – Чвырев с двумя друзьями. Разбили лицо и месили ногами его и гитару, вымещая на героя вечера собственную никчемность и малодушную зависть. Как умели, мстили за то, что все внимание досталось ему.

Не зря Шевцов натаскивал дочь. Она умела говорить на языке мести – и заговорила. Ярость может быть тихой и стремительной, без крика и истерики, и тем не менее накрывать с головой. Вот и Сашка была, как чувствовала и как умела. Не предупреждая, выбирая уязвимые точки – в лицо, в пах, жестоко, не жалея рук и ног, не чувствуя боли. Стирая небольшими, но меткими кулаками победные улыбки с самоуверенных лиц. Конечно, все бы они наверняка с ней справились, но вмешалась неожиданность, изумление и лицо девчонки – бледное, с твердо сжатыми губами. А еще кровь, потоком хлынувшая из сломанного носа Чвырева, а потом и из уха одного из друзей. Еще один парнишка со стоном корчился под окном, прижимая руки к паху.

«Помни, Санька, сначала бей, и только потом говори. А то опоздаешь».

Опоздала, но говорить не позволила. Крикнула, пнув Артура ногой в бок. Только сейчас разрешая чувству прорваться наружу:

– Пошли вон! Все! Чертов Чмырь! Ненавижу!

Когда убралась, прислонилась к стене и сползла вниз. Руки дрожали так, что пришлось их, сбитые в кровь, прижать к груди и откинуть затылок, прислонившись к прохладной панели. Ярость тоже имеет свою отдачу и чаще всего это больно.

– Алька, – Игнат пошевелился. – Ты сошла с ума.

Точно, она сумасшедшая. Теперь и он это знает. Но глядя на него, о себе не думала, было просто досадно, оттого что волшебный вечер для них, едва начавшись, уже закончился – в конце коридора уже слышался топот ног и учительский окрик. И все же сказала, не могла не сказать.

– Пух, тебе надо стать сильнее. Я не смогу вечно защищать тебя, понимаешь? Когда-нибудь моих сил окажется недостаточно, а я не хочу, чтобы такие гады однажды сломали тебя так же легко, как твою гитару.

Перед директором школы и Тамарой Михайловной этим вечером стояла сложная задача: как можно тише и быстрее уладить произошедший в стенах их учебного заведения вопиющий конфликт, в котором оказалось слишком много пострадавших сторон. Разобраться было сложно, потому что одним не верили, а другие молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.